

Рита Волкова

Мальчик

«Геликон Плюс»
Санкт-Петербург
2013

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)5
В 22

Волкова Р.
В 22 Мальчик : Повесть. — «Геликон Плюс»,
Санкт-Петербург, 2013. — 136 с.

ISBN 978-5-93682-892-8

*Посвящается
отцу Антипову Александру Петровичу
и брату Жене...
нашей дорогой и любимой,
милой и трогательной Манечке...
Анечке Саперовой —
безвременно ушедшей girl-friend...
А также Андрею Лосюгину*

о себе

*я хочу собой остаться:
джинсы, свитер,
порох в банке из-под чая,
и уже не чаю: утро!
а в углу моя гитара ждет:
ствол с вечера начищен,
день событиями напищен,
вечер будет как бальзам
рижский, пражский
(все равно!),
как с охотой повезет!*

*эл. почта для отзывов и предложений
Prjtm@ya.ru*

предисловие

Повесть «Мальчик» написана интересным, красочным языком в совершенно необычной манере. Это что-то среднее между белым стихом и прозой. Стоит отметить, что написание самого текста также необычно. Это даже не текст, а некий поток мыслей, записанный на бумаге. Автор дает читателю поразмыслить самому. В повести нет лишних растянутых описаний, что вовсе не обедняет ее. Здесь каждое слово «к месту» и наполнено глубинным смыслом. Эта книга предназначена для вдумчивого чтения и предполагает соответствующую обстановку. Ее нужно не просто читать, а прочувствовать, осознать, приложить воображение. В повести интересна и социальная тема, тонко затронутая автором, как явление немаловажное для истории страны: 80—90-е годы — разрушение «старого» и попытки становления «нового». Что касается психологической стороны — характеры героев изобилуют чертами обычных людей,

которые не лишены
высоких чувств
и глубоких переживаний.
Любовная тема проходит
сквозь все произведение
легкой мелодией,
и лишь иногда её громкость
возрастает и заглушает течение
центральной мысли.
Эмоции героев,
безусловно, насыщенные
и неотчужденные,
но они не мешают книге
иметь ровный и положительный тон.
Любому человеку,
интересующемуся
интеллектуальной лирической прозой,
которому близки
психологические моменты, такие
как любовь,
оценка и переоценка ценностей,
просто необходимо прочитать
это новое, отличное
от работ других современных авторов
произведение!»

Б. Д.

* * *

Дом у дороги на перехлесте двух улиц —
Липовой и Тополиной,
с зелено-бурой крышей,
которая вот-вот «зацветет» травой,
с антенной-паутиной,
с красной кирпичной трубой
и беленым фасадом.
Вот такой он, наш дом!
Дом в котором железо
называют колчеданом!*
Его построил мой дедушка,
и я безгранично благодарна ему за все чудеса,
которые он делает для меня,
а для меня он делает многое,
а для меня он не только дедушка, но и отец.

* * *

В этом доме есть комната —
самая маленькая из шести.
Это твоя комната,
которая никогда по сути
и не была моей!
Я здесь, как гость.
Под белоснежным потолком
висит лампочка из фиолетового стекла,
на стенах — портреты девиц-красавиц
в исполнении художника Sara Moon.

* Из фильма «Дом в котором мы живем». (Здесь и далее примечания автора.)

Зеленый гипсовый аллигатор
купаются в лучах желтого бра
на противоположной стороне стены.
Он уронил свою хрустальную голову
в изголовье кровати
и освещает прямоугольник
атласного покрывала.
За окном под майским солнцем
нежатся «степные голландцы»:
красные, с черным сердцем
в глубине венчика.
Как хочется нырнуть носом
в душистую чашечку
и целовать,
целовать их шелковистые лепестки!
Многие таяли от твоих зеленых глаз.
Многие бывали в твоей спальне.
Старая няня грела в котельной
студеную колодезную воду,
затем стирала на заднем двореке
широкие полотна простыней.
Охая и причитая,
она отстирывала багровые следы,
напоминающие
о вчерашней ночи любви.

* * *

— Ангел мой, хранитель мой,
спаси, помилуй! —
стою я, наклонившись,
над не то иконой, не то портретом,
написанным каким-то
древним мастером на трех досках,
сколоченных позади крестом.
Мой ангел — он в латах,
со щитом и мечом,

за спиной у него огромные крылья.
Художник не следовал
никаким канонам иконописи,
кроме поста, разумеется.
В лице ангела нет ничего
от греко-латинского профиля.
В его лице я вижу знакомые черты.
Да-да, те же глаза на портрете
в золоченой гипсовой раме,
которые часто пугали меня,
потому что следили за тем,
как я играю на фортепиано!
А ещё на моей шее твой крест
из темно-зеленого камня,
обрамленный в металл.
Я его нашла среди других вещей
и сразу поняла, что он твой!
Няня сказала,
что нельзя носить чужой крест,
потому что возьмешь
«лишние» грехи на себя
и испытаешь судьбу человека,
его носившего.
Она по понятной причине
мне такой доли не желала
и велела мне снять
и выбросить эту проклятую вещь.
Мама поведала,
что вы обменялись крестами
со своим лучшим другом.
Этот «названный братец»
впоследствии совершил первый
и самый тяжкий
из семи смертных грехов —
УБИЙСТВО.
Ты же — мелкий,
но более «карательный»

со стороны людей —
воровство чужих сердец.
За что и был тягчайше наказан —
насильственно лишен жизни
своим лучшим другом.
Но это уже не по Ефрону
и даже не по Брокгаузу.
И тем более не по закону Божьему!
«Во всех преступлениях мира
виновата любовь!» —
вещает философ средневековья.
Наталья так любила тебя,
что не давала тебе проходу,
а ты охладел к ней.
«Как так охладел? Так легко?» —
плакала в телефон Наташа.
«Как у вас, у молодых, все просто!» —
ворчала добрая няня.
«Обиженная женщина
готова на многое, сынок!» —
остерегал тебя отец.
Тут девушка проявила
поистине женское коварство:
шепнула твоему лучшему другу,
мол, убьешь его — буду с тобой!
Просил ли он время на раздумье?
Испытывал ли муки совести?
Или его глаза застлала
безумная любовь к этой женщине
и слепая ревность к другу?
«Одному Богу известно!» —
говорила няня.

* * *

*Мальчик сказал: хочу быть героем
И звезды чтоб только с неба хватать!*

На календаре март, восьмое число.
Солнце плавит серый лёд,
птицы льют трели,
звонят весенние капли!
«Весенний праздник!
Кто же помнит о смерти?!» —
восклицает древнекитайский мудрец.
Ты ушёл из дома с самого утра,
сказал, что скоро будешь,
но что с тебя возьмёшь?!
Ветреный мальчишка
сбежал на свидание!
Но случилось так,
что ушёл навсегда.
Вскоре пропала
и твоя любимая кошка.
Помню, что я совсем крохой
залезала под стол
и гладила её по чёрной
лоснящейся шерсти.
Кошка убегала,
не вынося цепких детских рук.

* * *

Книжный шкаф.
Боже мой, сколько интересного
стоит на его пыльных полках!
Книги в разноцветных
узорных переплетах
для меня пока делятся
на «сказки» и «несказки».
Твой отец лежит на старом диване
и читает для меня сказки.
Мне очень хочется,
чтобы он почитал еще!

У него от усталости слезятся глаза,
он протирает очки
в роговой оправе
полой клетчатой рубашки.
— Ольга! Ну хватит мучить деда!
Он устал, а тебе пора спать! —
вступается за него мама.
— Ну еще одну сказочку на ночь! —
начинаю канючить я.
А еще я прошу деда
нарисовать мне что-нибудь.
Он берет ручку
и рисует «оловянных солдатиков».
Я так не умею,
у меня выходят одни каляки-маляки.
Иногда он учит меня игре в шахматы,
хотя мама говорит,
что в них играют
только взрослые дяденьки!
А мне забавно:
вот король, вот королева,
вот офицеры,
лошади, пушки... солдатики!
Все как в настоящей войнушке
у мальчишек!
А по телевизору другая война:
Влад Листьев.
Поцелуй в лоб контрольно.
Стоп-кадр: пешка утеряна
в лабиринте батареи
центрального отопления.

* * *

Еще не закончилась эра
«голубых» экранов,

социалистически
бумажно-красных гвоздик,
искусственных елок
с пластмассовыми овощами
и космонавтами на ветках,
сервантов с посудой из ГДР
в нежно-августовские астры,
люстр с «сосульками»,
с салатно-зелеными коробочками
выключателей.
Думаете, что за бред?
А это целая эпоха бредовой мысли!
Фаянсовые фигурки —
тогда для меня просто
красивые игрушки,
но, как оказалось,
они довольно хрупкие.
Я грохнула одну из них,
а она оказалась из мела.
Все думали, что это фаянс,
а она была сделана из мела!
Склянки с мамиными духами.
Еще тогда, в детстве,
я питала страсть к французским духам!
Я любила выпускать
из этих флаконов
ароматных «джиннов»,
а открывая, случайно проливала.
Благоухающие капли
предательски расплозились
по полировке шкафа и по паркету,
оставляя удушливо липкие следы.
— Fidgi*! —
узнавала по следам мама

* Духи Fidgi Guy Laroche выпущены в 1966 году парфюмером Жозефиной Катапано.

— Только не Ispahan*! —
сокрушалась она.
— Ольга! —
кричит мама в праведном гневе.
— Мама, я пробую мир на вкус! —
оправдываюсь я.

* * *

Вот в глубине
этого «сундука с сокровищами»
я и обнаруживаю
твой блокнот с терракотовой обложкой,
если перелистать странички
на максимальной скорости —
мышка Микки побежит
за мышкой Минни,
но не это
привлекло мой детский ум.
*«Кто-то кого-то
кем-то как-то куда-то...
Мир на вкус волокнист,
как сладкая вата...
Я надеваю шинель
погибшего брата...»***
Я плыву по волнам
твоих строк и строф!
Я читаю твой дневник...

* Духи Ispahan Yves Rocher выпущены в 1977 году.

** Из стихотворения «Ракенрол» Яшки Казановой.

Богиня первая

Манечка Громова —
моя любимая нянюшка.
Была она из семьи
так называемых «раскулаченных».
Соседи бросали косые взгляды.
— Кулаки! — кричали им вслед.
Манечка испуганно озиралась на мать:
«Что же они им такое сделали?»
Ставни заколотили гвоздями,
со двора увели всю скотину.
Особенно больно
было смотреть на животину,
когда гнали колхозное стадо
мимо родных ворот.
Коровушки рвались домой
и получали от пастухов порцию кнутом.
Василиса — её мать — красивая
и статная женщина умерла,
когда Манечке было лет восемь,
говорят, сердце
не выдержало такого горя.
Старухи судачили наперебой.
— Я ей кричу, надевай всю одежу на себя!
А Васёна-то стоит
ни жива, ни мертва, как сажа бела,
онемела, голубушка,
язык отнялся совсем! — начала было баба Фима.
— Так и помёрла в пути в Сызране! —
продолжила баба Сима.
— Ой, во чужой стороне
у чужих людей, ой! — заголосила первая.
— Да не причитай ты, дура-баба! —
огрызнулась вторая.
— Ой!.. — отозвалась Серафима.

— А где Степан-то был? — вдруг спросила Евсимия.
— Незнамо где! Неведомо!
Да, и здесь он не кажется!
За Манькой-то Суклетинья смотрит, —
отвечает баба Фима.
— Да не за Манькой, а Манька за Марусей ходит, нянькается! — разъясняет другая бабка.
— А вчерась у Дуньки Манька полы мыла! — припоминает Серафима.
Степан — ее отец — занялся подработками и был в вечных разъездах, потом сбедил где-то ногу и она запылала «антоновым огнем». Тот «огонь» и погубил его.
Он не дал врачам отнять конечность.
Манечку взяла к себе на воспитание тетка.
Та помогала родственнице по домашнему хозяйству и няньчилась с ее маленькой дочкой.
— За Марусей ходила, доченькой ихней, вроде как нянька.
Полы мыла.
Косорезом сначала скребла, потом полоскала тремя водами.
Сижу, реву,
слезы с лица полшалком утираю! — пускалась в рассказы Манечка.
Потом, с достижением совершеннолетия и до пенсии, она работала в колхозе.
Тяжело было видеть в колхозных оглоблях животину, которая содержалась в их родном доме.
— Узнала я «своего» рысака, своего Соколика!

Понурый, с седой гривой,
стоял он, привязанный к столбу,
и жевал узду, —
говорила она,
а по щекам текли скорые слезы.
В матушкиных нарядах
расхаживали жены начальства.
— Таких шелковых кофт,
шерстяных юбок,
кружевных сарафанов
и цветных полшалков
не было ни у кого в округе!
Господь все видел!
Как эта «одёжа»
не сожрала этих паскуд? —
негодовала порой нянюшка.
К нам в дом
Манечка попала по совету
хорошей знакомой
в качестве няни для меня
и моей младшей сестренки.
Я любил слушать ее рассказы
про «то время»
еще при том «горошенном» царе.
Нянюшка дарила свою любовь,
заботу и ласку нам и...
кошкам, которых,
шибко осерчав,
называла «полосатыми чертями».

* * *

Еще нянюшка рассказывала
про свою сельскую жизнь.
По вечерам
она, бывало,
сидела с прялкой на завалинке.

В летнем, еще не остывшем от зноя воздухе
кружилась мошкара,
на окне «кудрявилась»
розовая герань,
приходила кошка
и терлась о ноги
своей мягкой шерсткой.
Иногда навевалась подруга Дунька.
— Красивая, как пасхальное яичко! —
смеялась Манечка.
Девушка была видной, но неграмотной.
Она считала, что «маленькие книги» —
так в народе называли письма —
пишут только «князья»,
и вместо подписи в «бюллетене»
ставила крестик.
Когда становилось тошно
Манечка затягивала
старинную русскую песню:

*Ты святая Варвара, молю я тябе.
Ты нявеста Христова, услышь ты мяне.
У делах моих блудных мяне обличи.
И молиться ты Богу мяне научи.
Научи ты молиться, избавь от сеты.
И любить мне Бога, как любила ты.
За Яго страдания, за Яго любовь
Ты терпела муки, проливала кровь.
Диаскор в то время правителем был.
Он святую веру страшно не любил.
За купца хотел ён Ваврару отдать.
Если нет, то дочь свою на муки отдать.
Варвара сказала на яго вопрос:
Мне никто не надо, только свят Христос.
Он Создатель мира, Царь Он и Отец.
Он мне даст нябеснай нятлённай вянец.
Лишь Святую Троицу чту отныне я.*

*И к зямному счастью непричастна я.
Отец Диаскор жа тут от зла задрожал.
Святую Варвару на муки отдал.
Воловьими жилами раны выбивал.
И жесткаю шерстью кровь он вытирал.
Варвара тярпела и молила Христа,
Чтоб Ён дал тярпенья тярпеть до конца.
Варвара охотно в тямницу пошла.
Скоро утешение в тямнице нашла.
Христос своим светом ее озарил.
Кровавые раны тотчас исцалил.
За её страдания, за её любовь.»**

* * *

Прихожу как-то домой,
а Манечка сидит на кухне,
«радиво» слушает и плачет.
Из динамика доносится:
*Красивая девчонка,
кричат мне вслед,
красивая девчонка, а счастья нет...***
Я спрашиваю:
«Ты чего плачешь?»
А она:
«Красивая, а счастья нет,
ну прям как я,
в чужой сторонушке
у чужих людей...
Сииротинушка!»

* Старинная песня «Ты святая Варвара, молю я тябе», последнее упоминание — в исполнении Ольги Трушиной.

** Из песни Т. Овсиенко «Игрушка».

* * *

«Белая гвардия — белая стая...
здесь похоронены лучшие-лучшие...
Кладбище Сент-Женевьев-де-Буа» —
хрипит и трескает виниловая пластинка.
Я повторяю за нянюшкой,
как молитву, их имена:
*Акулина, Левонтий,
Авдотья, Степан, Василиса,
Саклетина, Матрена, Степанида.*
Она красит оградки в белый цвет.
Только в белый,
потому что
если в какой иной,
то мертвые не простят!
Вдруг начинается гроза.
Гром. Молния. Светопреставление.
Кульминационно-театрально.
Дождь из темно-фиолетовых туч
сыплет на голову
холодными свинцовыми пулями.
Нянюшка просит у Бога пощады,
читает «Богородицу»,
хватает меня за руку
и мечется меж надгробий.
Я-то знаю, как она боится грозы!
Боится, что молния попадет в нее и убьет.
Она выключает все электроприборы в доме,
повязывает «полушалку»
и садится подальше от окна.
Мы ищем укрытие,
но среди мертвых его не так просто найти!
Вдруг нам попадается не то беседка, не то склеп.
Пахнет сыростью,
мокрой древесиной и смертью.
Воцаряется мертвая тишина.

И только дождь
барабанит по крыше в такт сердцу,
как будто, если он прекратится,
и сердце тоже остановится
и мы прекратим свое существование!
И не будет ничего.
Только белый цвет! Белый свет! Небытие.

Богиня вторая

*Из пены родилась морской,
Ступила на брег,
Покорила навек
Сердца людей!
Ты, моя Любовь!*
Как известно
из римской мифологии,
Венера — богиня любви.
Конечно, моя Венера
не сошла с небес
и не ходила по морским волнам.
Повстречались мы,
я бы сказал, волей случая!
И земля не ушла из-под наших ног,
как бывает у влюбленных
с первого взгляда.
Письма, километры строк к тебе,
несу слова,
несу улыбки,
поцелуи несую,
но как мне вынести
прощание с тобой!
— Сегодня ничего! —
сочувствующе говорит мне почтальон.
И завтра, и послезавтра тоже.

Пишу на магнитную ленту слова,
тебе должно понравиться,
ведь ты так любишь
мой «янтарный» голос!
Но ответа не последовало.
Молчание,
как будто мои слова уходят
в сливное отверстие канализации,
как вода!
У меня такая пустота внутри,
и мне нечем ее заполнить!
Я вою волком ночами!
Я все решил, решился,
хватит, устал!
Сегодня был у тебя.
Просто сел на электричку
и поехал в неизвестном направлении.
Вот так просто:
измучил, истерзал себе душу,
бросил все
и порезал
на мелкие кусочки расстояния.
Под стук колес
я несколько раз прокручивал в голове
нашу встречу.
Какая ты теперь?
Как живешь?
Чем дышишь?
Но знал одно,
что ты будешь рада,
рада мне!
В старом деревянном доме
я застал лишь твою мать,
которая была, конечно,
не в восторге
от невесть откуда
свалившегося гостя.

Но весьма благосклонно
обмолвилась о тебе парой фраз
и предложила остаться на ночь.
Я, в свою очередь, поблагодарив,
направился к выходу.
Дверь оказалась
неподатливой и тяжелой,
словно она,
сговорившись с тобой,
не пускала меня обратно.
Я шёл по узкой проселочной дороге,
а из моих глаз дождем
лились слезы.
Сердце мое было
переполнено отчаянием.
Рядом со скамейкой
на вокзале,
где я дожидался поезда,
сидел пес
и жалобно смотрел на меня.
Я выпотрошил
внутренности своего рюкзака
в поисках хлеба,
зрелище голодных собачьих глаз
для меня было невыносимым!
А ты в Москве и ничего не знаешь...

* * *

Иногда моя память
позволяет мне вспомнить тебя,
но воспоминания
всегда такие обрывочные.
Они как осколки от снаряда
в моей голове:
Ты сидишь на скамейке в парке,
я подхожу и сажусь рядом.

«Привет!» — улыбаешься мне ты.
Я хочу поцеловать тебя,
но вокруг так много людей.
Жаркий день,
медленно переходящий
в удушливый вечер.
На твой вспотевший лоб
налипли золотистые пряди.
Ах, как ты прекрасна
и похожа на «Даная»
Густава Климта!
Мы разговариваем, смеемся
и заранее грустим
о том, что надо будет прощаться.
В разговоре ты,
жестикуюлируя руками,
задеваешь сережку
и теряешь ее в траве.
Мы долго ползаем
на четвереньках.
Отчего ладони и коленки зеленеют,
но так ничего и не находим.
Ты, торопясь домой,
огорченно бросаешь:
«Ну и черт с ней!»
Я остаюсь стоять на коленях,
решаю не сдаваться
и через битых полчаса,
нахожу невесомый серебряный шарик,
сотканый ювелиром,
будто кружево.
Это была моя маленькая победа!

* * *

Вчера встретил
твою подругу Юльку.

Та еще стерва,
ну да ладно,
речь сейчас не об этом!
— Пойдем выпьем,
Дорогой, за встречу! —
раскокетничалась она.
Юлька с жаром рассказывала,
что была недавно
в столице и видела тебя.
Да в таком неприглядном виде,
что ни в сказке сказать,
ни пером описать!
Меня распалила досада.
Я с трудом сдерживал слезы
негодования.
Ты, моя любимая, —
девочка на Тверской?
Пили огненную воду,
как полагается, студеной.
Наутро я заболел ангиной.
Я понимал,
что это не болезнь
сковала горло,
а мое чувство,
которое уже не может
держаться внутри,
а рвется наружу!
Я ведь люблю тебя
и поэтому ревную!
Ревную тебя даже к воздуху,
которым ты дышишь!
«Кто не ревнует,
тот не любит!» —
вспомнил я изречение
старой доброй няни.
Но только сейчас понял,
что не тогда человек ревнует,

когда любит,
а когда хочет быть любимым!

* * *

Спустя пару лет
я по делам оказался в Первопрестольной,
где меня встретил мой давний приятель
и рассказал мне планы на вечер.
Нагулявшись вдоволь
по широким московским проспектам,
мы решили скрепить дружбу
крепкими напитками.
Зашли в кафе-бар
«Московские дворики»
раздавить южные коньяки
и вспомнить былое,
а вспомнить, уж поверьте, было что!
В завершение вечера
друг предложил позвонить девочкам
и поехать в сауну.
Я тоже был не против,
потому что был свободен,
как ветер в поле.
Пока мы спорили
кто будет платить по счету,
прозвенел дверной колокольчик,
и в заведение
под стук собственных шпилек
продефилировали
две гогочущие ночные нимфы.
Передо мной предстала ты.
Брюнетка с небрежными локонами,
с ярким вызывающим макияжем,
то ли в коротком платье,
то ли в длинном свитере,
в пошлых черных сапожищах.

Мне почему-то представилась картина
испанского художника Диего Веласкеса,
изображающая
полулежачую обнажённую Венеру.
Она смотрит в зеркало,
которое держит перед ней Амур.
Если сказать точнее,
то перед глазами появилось
демоническое отражение в том зеркале.
Меня передернуло,
и эта судорога сознания
отразилась на моем спокойном лице.
Нет, любовная рана уже затянулась,
остался только шрам от сигареты,
которую я притушил о свою руку.
Случилось это почти машинально.
Раскуренная сигарета
тлела у меня в руке,
огонь жадно ел папиросную бумагу,
пепельный снег
падал мне на брюки.
Я промахнулся,
целясь сигаретным столбом
в пепельницу,
но ожог,
который получило тогда
мое сердце
был болезненнее.

* * *

Неожиданный звонок
посреди ночи спустя несколько дней.
На заднем фоне орут «чурки»,
и твой смеющийся
бархатистый голос в трубке:
— Милый, это ты, милый?

Я тебя сразу узнала!
— Кто тебе номер мой дал? —
как можно спокойнее говорю я.
— Твой друг,
с которым ты в «Двориках» сидел,
помнишь?
Ты так быстро ушел!
Согрей меня, милый,
у меня в душе сквозняки гуляют!
Ты меня уже не любишь? —
продолжаешь ворковать ты.
— Не звони мне больше! —
как можно холоднее говорю я.
Потом достаю
с верхней полки книжного шкафа
белый конверт с надписью,
сделанной когда-то твоей рукой:
«С ЛЮБОВЬЮ,
ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ!»
Я разорвал конверт,
и из него выпал цветок,
но он был настолько хрупкий и ветхий,
что рассыпался у меня в ладони.

* * *

И я не знаю кто ты мне!
И слов обидных
не бросай на ветер!
Больней не будет!
Все равно
земля и небо,
когда горит
торф на болотах.
И я не знаю кто ты мне!
Ты тень из прошлого,
прости,
всего хорошего!

Богиня третья

Ага, вот и твой подъезд.
Все парадные
посадили на замки,
запоры, засовы и захламили их.
Пересекаю энное количество
лестничных пролетов и...
у тебя!
Уже стою перед дверью
и жму указательным
пальцем на кнопку звонка.
За дверью раздаются
соловьиные трели
и стук каблуков.
Твоя мать в прозрачном белом пеньюаре,
на высоких шпильках
открывает дверь с видом хищной кошки,
но осекается, бросая смущенные улыбки.
Ты по обыкновению
стоишь с радиоприемником у окна
и ловишь волну.
Песен так много
и они, конечно, все о любви...

* * *

Ты пришла
ко мне на день рождения
и принесла горсть фейхоа.
Маленькие, зеленые,
с укропным вкусом
больше похожим на фенхель.
Хотя мне и понравилась
эта пряность вкуса,
но позже я познал
истинный вкус фейхоа —

Нежный, незрело клубничный,
но полноценный
в своей зеленой молодости.
Ты говорила мне,
что вы с матерью остались одни,
что у тебя умер отец.
А этот «новопреставленный»
гуляет по вещевому рынку
с какой-то молодой особой!
Ты говорила мне,
что тебя жестоко
избили местные гопницы,
а под бинтами и пластырем
ни синяка, ни царапины!
Ты говорила,
говорила, и опять это были
только слова.
Слова, ничего не значащие!

* * *

«Всего одна осталась
ночь у нас с тобой...» —
плакала в динамике певица*.
— Я ревную тебя! —
ты кидаешь мне в спину,
словно дротиком в мишень.
— Нет, не попала,
сердце, оно только
на одну четверть слева,
задела, но не попала! —
смеюсь я.
Потому и смеюсь,
что не попала!
Ведь ты надеешься,
что я кинусь к тебе в объятия.

* Из песни Т. Булановой «Не плачь»)

О, как это глупо!
Ты хочешь погреть
свои заледенелые руки
на костре моей любви к ней!
Нет, не дам, ни за что, не смей!
Не смей! Не тронь! Не тронь!
Гитара, моя гитара!
Я же умру без нее!
Нет! Нет!
Можешь забрать все,
гитару не тронь!

* * *

Моя любимая, проститутка,
продажная женщина,
Божия тварь!
Стоит на морозе
в короткой юбке,
стоит и смотрит,
но не в глаза,
Я из машины за ней наблюдаю
Больно мне, плохо,
тошнота, отравление.
Ты променяла меня
на этих породистых сук
на шелест купюр,
на мыльный пузырь, звук.

Богиня четвертая

Ты такая кукольная!
У тебя даже ресницы
какие-то запредельно сказочные!
Они, как крылья бабочки,
трепещут.

А цвет глаз уходит
в глубокий адулярово-голубой.
Не девочка, а Мальвина какая-то!
И о любви мечтаешь сказочной.
Неприменно о принце
на белом «мерседесе»!
Мы с тобой немало соли съели,
щеки от слез горели,
грела мое сердце в своих руках
и удивлялась мне
и моей любви к ней.
Я был для тебя
каким-то космическим,
нереальным, диковинным!
И что бы я ни делал,
все было для тебя эпатажным,
причудливым,
воспалением
моей творческой натуры.
Я жил в фиолетовом настоящем,
ты — в романтично-кружевном прошлом
и мечтательно-розовом будущем!
Ты клялась мне в верности
и неделимости расстояния!
А что на деле?!
Мамин запрет,
табу на меня,
двойное табу
на всех моих чертиков из табакерки.

* * *

Не пускай чужих
в свою постель!
Не рви, не мни белья
из синеглазого льна!
Не вари чистотела

из белого тела!
Не гаси дыханием свечи,
а поцелуями речи!
Не подавляй сопротивляемость тела,
чтобы стать единым целым!
Не.....
Не.....
Не.....
Да что я тут перечисляю?
Сама можешь продолжить этот список!

Богиня пятая

Горячие точки.
Армейская гать.
Мой сапог утопает
в вонючей грязи.
Будь на связи, связист,
будь на связи!
С тобой
нас повяжет красная нить.
Мы столкнулись с тобой
на теле войны
так стремительно,
что оказались в плену
пылких чувств.
Мы столкнулись с тобой
на теме войны.
Мы запутались в проводах.
Мы упали на мартовский лед.

* * *

Дорогая,
как мало я тебя,
оказывается, знаю!

Ты стремительно ворвалась
в мою жизнь
бумажным самолетиком в окно,
неся на крыльях любовь!
Твое имя
для меня звучало, как мантра,
как поток, рвущийся наружу!
Я хотел достать
до твоего звящего Ом!
Но...
как много в жизни
бывает этих «но»!
Но словно сама судьба
мчит тебе навстречу
в колеснице,
все больше и больше,
понуривая лошадей:
«Но! Но!»
А ты,
чтобы она тебя,
не дай бог, не придавила,
отстраняешься
и обескураженно смотришь ей вслед.
Ты испугалась меня,
ты захотела домой!
Маленькая девочка,
пускающая пузыри в стакане.
Янтарь,
горсточка солнца в моих руках!
Будет тошно — жги его ночами!
Будет тошно — кричи!
Море же рядом,
оно тебя обязательно услышит
и позовет!

* * *

Не рассказывай мне
сказки о Кенигсберге,
о янтарном берегу
и соленом море.
Синие реки
заперты на небесах!
Увидел небо в окно —
ударил по стеклу молотком.
Пошли круги по воде,
и я чуть было не задохнулся!
И что за дело юному телу
сидеть в темнице
и дуть на воду,
Когда внутри парное молоко?!

Богиня шестая

Людмила,
а для своих по-простому
Милочка, Мила.
Никто про тебя
слова худого не скажет,
ты нравишься всем абсолютно!
Ты вошла в мою жизнь
с откровенным признанием:
«Я тебя люблю»,
совершенно не спросив меня
о взаимных чувствах.
Я, конечно, возмущился
такому нахальству,
но решил посмотреть
на все это со стороны.
Посмотрел, ничего не скажешь,
живу уже с ней в съемной квартире,

сплю в одной кровати.
Вот сижу и думаю,
что меня в ней так зацепило?!
Что в ней такого особенного?
Девушка вроде бы симпатичная,
но сколько было таких!
А ума не больше и не меньше,
чем у других.
Как примерная хозяйка,
ждешь меня с работы,
готовишь завтраки-ужины,
зовешь меня Гением.
И все вроде бы ничего,
но семейная жизнь,
видимо, не по мне.
Как гром среди ясного неба!
Ангел,
ты по асфальту, как по небу, паришь,
у тебя только крыльев за спиной
не хватает!
Меня развернуло
на все 360 градусов!
Наши глаза встретились,
и между нами пробежал
разряд электричества.
Сердце мое завертелось волчком.
— Салют, мое небесное создание! —
строчу я письма тебе
и не верю своим глазам.
Я не верю
всем своим пяти чувствам,
когда тебя обнимаю.
И радость моя
не имела границ, потому что
даже быв с ней,
я представлял на ее месте тебя!
Я потерял голову и вконец обнаглел.

Не приходил домой сутками,
а она металась по квартире,
обзванивая друзей-знакомых
в поисках меня!
Мой «ключ»
уже давно не подходит
к этому «замку».
И все же я возвращался к ней,
сам не понимая зачем!
Зачем?
Ну зачем же?
Я же ее уже не люблю!
А любил ли?
Может, просто привык,
просто свыкся с тем, что она есть?
И таврическая полынь
больше не волнует мою кровь,
я отправляюсь спать на диван.

* * *

Ты готовишь мне
утренний чай с молоком.
Нежные цветки жасмина
и молодые листочки зеленого чая,
которые только проснулись
из серебристой пушистой почки.
Ты бросаешь эти составляющие
в кипящую нежно-сливочную жидкость,
потом снимаешь горячую турку с огня
и разливаешь
по холодным фарфоровым чашкам.
Ты называешь этот рецепт
жасминового чая «египетским».
Пар струится
по озябшему утреннему воздуху.
Так тихо,

что кажется: я слышу,
как стучит твое трепетное сердце.
О Боже, ты прокалываешь палец
тонкой иглой
и кровь капает,
капает в мою чашку!
Ох! — взываю я
как-то слишком громко
для этой рассветной тиши.
Ты пугаешься
и, конечно, не ожидаешь,
что я стою
практически у тебя за спиной,
и роняешь чашку.
Она со звоном
падает на кафельный пол
и разбивается вдребезги.
Я не требую от тебя
никаких объяснений,
ведь меня же предупреждали,
что ты ведьма,
что хожу я,
словно сам не свой,
как привороженный!
Мне вспомнился рассказ
старой доброй нянюшки:
Бывало, девицы
привораживали
своих возлюбленных,
добавляя им в питье свое мумие.
А мумие это то,
что сохраняет тело.

* * *

Утро туманное, утро осеннее,
город чужой,

приправленный ядом
этой любви.
Квартира.
Темное,
полуподвальное помещение,
пропитанное запахом
гниющих листьев,
где я, просыпаясь,
корчился в ломках по свободе!
Ночью ты душила меня
в своих объятиях,
да так, что на шее оставались
отметины цвета переспелой рябины.
Я молча обматываю шею шарфом,
пью вываренный чай с пряностями,
и ухожу.

*и выхода больше нет,
дороги давно закрыты,
и самых не горьких слез
моих для тебя не видно,
и незачем на заре
писать для тебя записки,
и незачем в ноябре
глотать разбуженный низкий
твой голос...**

Я в действительности,
ненавидел твои слезы,
а ты глотала
мой ледяной голос
и грубые слова!
Сейчас уже поздно разбирать,
кто прав,
а кто виноват был тогда,
но мне надоело все.

* Из стихотворения И. Пархимович.

Надо было это пережить,
но я не хотел,
а ты не могла!
Вот и все.
Я на грани фола.
Жизнь начинается в марте
и заканчивается в октябре!
Вопрос: куда она уходит
на эти четыре месяца?
Я не живу,
я слежу
за собственной жизни развитием,
как говорит Саша Васильев.
Я же подтверждаю его теорию.
Мне было плохо без тебя
и еще хуже с тобой.
Мы жили в одном городе,
но именовали его по-разному,
впрочем, как и нашу любовь:
для тебя это было высокое чувство,
для меня же — тяжелая болезнь.

* * *

Счастья земного тебе,
Мне же небесного нужно,
Аквамаринового, ультрамаринового!

Богиня седьмая

Мне невыносимо!
Звоню тебе,
говорю, что умер друг,
но натыкаюсь на стену:
«Ну и что!»
А чего еще ожидать

от обиженной женщины?
Ясное дело,
что ничего хорошего!
Сижу, прислонившись
к доске объявлений,
и слезы катятся,
катятся, не остановишь.
Больно, да и просто обидно!
Друзей совсем не осталось,
не дружба, а сплошные понты!
Только кликни,
и герои из мультфильма
«Чип и Дейл» спешат на помощь:

*Слишком часто
беда стучится в двери
Но нетрудно
в Спасателей поверить.
Лишь стоит только
их позвать,
друзей
не надо долго ждать.
Чип, Чип, Чип, Чип
и Дейл к вам спешат,
Чип, Чип, Чип, Чип
и Дейл лучше всех...*

Зависть черная с белой каймой
поглотила всех тех,
кто смел называться другом,
кто смел отзываться на имя, на голос.
Конский волос
щетиной в пятки,
по Лескову, читай — панацея
от предательства иллюзий*.
Племена татаро-монгольского ига

* См. Н. С. Лесков «Очарованный странник».

набивали в пятки пленникам
мелко нарезанный конский волос
и долго искусственным образом
расстреливали рану,
чтобы пленник не мог
нормально передвигаться
и как итог совершить побег.
Люди передвигались на коленях,
ибо боль была нестерпимой!
Мне казалось, лучше испытывать боль,
чтобы не предаваться более иллюзиям!

* * *

Из магазина напротив
выходит девушка-продавец
и спрашивает: «Хочешь чаю?»
Я обескураженно: «Хочу!»
Я жадно глотаю черный,
офисный, «пакетишный»,
разговариваю с тобой
и с твоей подругой-напарницей.
Так уж случилось,
что мне некуда пойти
и не с кем поговорить.
Теперь я здесь частый гость.
Вы, в общем-то, не против,
да и мне с вами легко и приятно.
Я буду помнить, спасибо!
Большое человеческое СПАСИБО!
Я всегда буду помнить
эти встречи на съемной квартире.
И вас!
Вас, таких смелых, славных, честных,
таких, какие вы в моем сердце
запечатаны сургучом памяти!
Люблю вас, хорошие мои!

* * *

Такая тонкая связь,
что рвется нить.
Мне бы эту чашу
до конца испить,
Мне бы эту чашу
донести до рта.
Необузданный конь —
палец рвется с курка.
Из любви и страсти
Не мешаю коктейль,
Все уже решено:
зиме Коктебель
самый лучший союзник!
Кровопролитие?
Женщину ищите,
ищите женщину!
Il y a une femme dans toutes les affaires;
aussitôt qu'on me fait un rapport,
je dis: «Cherchez la femme!»^{*}
А ведь месье Дюма
использовал выражение,
которое действительно употреблял
чиновник французской полиции
Габриэль де Сартин.
Де Сартин же, в свою очередь,
перефразировал
римского поэта-сатирика Ювенала:
«Едва ли найдётся тяжба,
в которой причиной ссоры
не была бы женщина».
Однако!

* В каждом случае есть женщина;
как только они приносят мне отчёт,
я говорю: «Ищите женщину!» (франц.)
(из романа А.Дюма «Могикане Парижа»).

* * *

Это случилось в один из вечеров
нашего «квартирника»:
— Я хочу говорить с тобой! —
произнесла ты на ломаном русском.
Ты — иностранка,
приехавшая в Россию по обмену.
Твое имя звучит, как трещотка,
переплавленная в трубу:
Франческа Донни!
Что ж, давай поговорим,
но в комнате очень шумно:
играют, поют, пьют, спорят, кричат.
И я веду тебя в ванную,
готовлю уши для активного слушания.
Ты садишься на край белого фаянса
и начинаешь, медленно расстегивая,
перебирать пуговицы моей рубахи.
Когда пальцы подкатили к горлу я,
словно опомнившись,
говорю: «Нет!» —
и выскакиваю из ванной,
как ошпаренный.
В комнате я стараюсь
не смотреть на тебя,
переводя взгляды то на предметы,
то на других людей.
Ты — как гитара, звонкая, тонкая,
плавные изгибы бронзового тела,
волосы струятся по плечам
темным шоколадом,
глаза словно черника
темно-темно-синие почти черные.
Смотреть — не насмотреться!
Прости меня, белла донна,
поздно тебя узнал я.

Богиня восьмая

Я похож на собаку,
Все вижу и слышу —
уши из-за угла,
а на улице впрямь весна!
Мой внутренний мальчик
влюблен и пылает щеками.
«Не забудь, мой хороший,
что в любви и атаке
выдох важнее вдоха!» —
спешу напомнить ему я.

* * *

Ангел, ты пламя живое,
твой цвет неизменно красный,
твои пленительные губы —
как непечатая бутылка саперави.
Я жил той ранней весной
от встречи до встречи с тобой
и буквально летал на крыльях!
Я хотел, чтобы так было всегда,
и когда почувствовал
некое охлаждение к своей персоне,
побежал к знакомой ведьмаке
за помощью.
Мила встретила меня
в окружении множества кошек.
Их было десять или пятнадцать,
я не мог их никак сосчитать,
потому что они
постоянно пребывали в движении:
играли с шерстяными клубками,
разбросанными по полу,
ходили по старому,
пыльному, расстроеному роялю,

прыгали на скатерть стола,
нагло лакая из сливочника сметану,
умывались, сладко облизывая усы.
— А я знаю зачем ты здесь, Гений!
Сердце твоей возлюбленной
холодеет медленно, но верно!
Ты понимаешь,
что без меня
тебе ее, увы, не удержать! —
словно по книге, «читает» меня она.
Из ее уст это звучит,
как «Здравствуй, Иванушка-дурачок,
до чего ж ты,
друг сердечный, докатился!»
— Я вижу, как ты изводишь себя,
дурные мысли терзают твою голову,
сердце не находит покоя! —
все продолжала она.
— Только сделай все так,
как я тебе скажу,
и все будет по-твоему!
Принеси мне до заката солнца
плод граната.
Гений, ты же помнишь?
Прозерпина не покинула Плутона
лишь только потому,
что он упросил ее
разделить с ним пополам гранат! —
говорит она наставляюще.
До заката оставались считанные минуты,
я избегал все фруктовые лавки в округе,
наконец нашел!
Перелетая через черные столбы
с большими цепями,
вдруг цепляюсь за них
носком ботинка.
И ах!

В мгновение оказываюсь
на коленках на каменной брусчатке.
Так и надо!
Коленки в кровь,
больно — значит жив!
Мне больно,
а я улыбаюсь небу и солнцу!
Я бегу, бегу, бегу,
а люди смотрят на меня!
И никуда не деться от их взглядов:
«Вот дурррак!!!»
Да! А я и не спорю!
Я — влюбленный дурак!

* * *

Ты — цветок, каждый день разный,
то прекрасный и колючий,
то нежный и ранимый.
Рыжая бестия
с глазами цвета травы осоки,
я утопаю в них, как в болоте!
Боже, Боже, я теряю разум!
В доме нет света.
А нам он и не нужен, этот желтый,
мертвый, электрический.
Везде расставлены свечи.
Мне тепло от вина
и от твоей любви,
по телу разлилась
пленительная нега.
Я никуда не хочу идти,
тем более домой,
но что назвать домом?
Квартиру,
в которой меня никто не ждет?
Решено: остаюсь у тебя!

Ты жаркая и влажная,
ты таешь у меня в ладонях.
Еще секунда — и все закончится.
Телефон заливается трелью.
Ты нервно срываешь трубку,
роняя многострадальный аппарат.
Заискиваешь,
оправдываешься, плачешь.
Твой фронт потребовал объяснений
и вызвал меня на дуэль!
Орбитальная станция «Мир».
Прерванный полет.
Стоп-кадр:
орбитальная станция входит
в верхние слои атмосферы.
Я принял этот вызов
и пришел в назначенное время и место.
Но это было не нужно
ни тебе, ни ему, ни тем более мне!

* * *

Утро. Солнце на горизонте
брызнуло
разрезанным напополам грейпфрутом.
Золотисто-розовый свет
озарил твое лицо,
и я понял,
что вчера это была лишь маска.
Маска, маска, маскарад какой-то!
К чему этот колоритный типаж?
А ты дрянь, всего лишь дрянь!
Меня бросает в жар, горечь во рту,
грейпфрутовый сок
сочится у меня изнутри.

* * *

Не я падал к твоим ногам
и умолял: «Пойдем домой!»
Не я катался по жухлой траве
и утопал в твоём вранье.
Не я тащил тебя в постель,
а после —
разборки, мужской разговор.
Не я наутро хватался за нож
и разделял «Инь-Ян»
на «Я», «Ты», «Любовь» и «Ложь»!
Не я просил не у тебя:
«Официант, налей вина!» —
и там, на улице, на углу,
представляешь?
Не я был, не я!

* * *

Банная жара,
в междурамье металась бабочка,
ее крылья цвета павлиньего глаза.
Я ничем не мог ей помочь!
Сосновая смола растаяла
и теперь растекалась по стенам.
Темная горькая березовая вода
поднялась к горлу:
Я не люблю тебя!
Такая мысль
повисла у меня в голове.
Мне вдруг вспомнилось,
как вещала пушкинская Наина:
«Герой, я не люблю тебя!»
Просто ты —
не героиня моего романа!

Ты подседа на меня,
как на наркотик!
Героиня на героине!
Я ничем не могу тебе помочь!

* * *

— Не сокрушайся, Гений,
так бывает, перегорел! —
пытается успокоить меня Мила.
И добавляет, лукаво улыбаясь:
— Значит, фанатеет от тебя,
как от любимых конфет?
— Вот именно! Она фанатеет,
а мне уже надоедает это.
Хочу, чтоб на равных
была любовь!
В домино играем,
я доминирую,
«рыбой»
даже и не пахнет! —
тихо взрываюсь я
от негодования.

* * *

Полночь. Сознание глохнет.
Все в сравнении с Богом
полумерки.
Истин искать—
словно играть в наперстки.
Я спасовал
перед фактом
быть мародером
кроваво-марким!
Души твоей
нутро потрошить...

Богиня девятая

Имя тебе Ирука.
Ты так похожа
на мифическую русалку!
У тебя нет
ни рыбьего «кольчужного» хвоста,
ни длинных саргассовых волос.
Зато такие чарующие зеленые глаза!
Кот лакает молоко,
позвякивая фарфоровым блюдцем.
Мое сердце замирает,
когда я слышу стук
каблуков в парадной.
Ты, как всегда, несешь с собой
утренний аромат свежесрезанных роз.
У меня перехватывает дыхание:
— Дай, я угадаю что у тебя за духи?
— Ну же! — весело щебечешь ты.
— Так пахнет влюбленная женщина! —
восклицаю я.
— А вот и нет!
Это яд, чистый яд! — ты хохочешь.
— Любовный яд,
который, попадая в кровь, убивает! —
дружно подхватываю я.
— Ну привет, а чего такой грустный? —
будто опомнившись
от каких-то своих мыслей,
произносишь ты.
— Я? Я не грустный,
я влюбленный! — отвечаю я.
— Влюбленный, ты хоть завтракал? —
интересуешься заботливо.
— Я голоден и никуда не годен...—
улыбаясь, декламирую я.
— Ну, конечно, а сейчас ты скажешь,

что художник должен быть голодным! —
беззлобно ехидничаешь ты.
В твоей дамской сумочке
мелькает непечатый квадрат картона.
— А что это? Что? —
нежно допытываюсь у тебя я.
«Изделие чулочной мануфактуры,
размер 44», — читаю я на упаковке.
Русское лото.
«Номер четыре —
провозглашает ведущий —
“Стульчик”!»
Боюсь, одного стульчика
маловато будет,
чтобы усидеть!

* * *

Темнота
такая томная опускается,
когда выключается свет.
Свечи дрожат в тон дыханию.
Слышно,
как в кране капает вода.
Я вспоминаю цитату
из произведения Милорада Павича:
*Ты моя пашня.
Женщина — это пашня.
Женщина — это и кровь, и молоко.
Враждующие кровь и молоко,
несмешивающиеся.
Только мужское семя
может их примирить
и смешать,
я покажу тебе как*.*

* из произведения
М.Павича «Звездная мантия».

Где-то посреди ночи
я просыпаюсь
в жутком ознобе:
— Ты слышишь плач за стеной?
Это твой ребенок
плачет или моя душа?
— Милый, тебе показалось,
иди ко мне —
пытаешься успокоить ты.
— Ты... ты бесчувственная стерва! —
бросая слова,
я натягиваю штаны.
Пол обжигает
босые ноги холодом.
Я ухожу курить на кухню.

* * *

Ирука работала
переводчиком с японского.
Ты взяла себе имя
на самурайский манер
для удобства в общении
с зарубежными партнерами.
Ты улетала
в свою очередную командировку
я провожал тебя
в Страну восходящего солнца
с нелегким сердцем.
Ты уверяла меня в том,
что ничего страшного
не случится,
что ты будешь звонить,
и пусть не каждый день,
но каждую неделю!
— Это всего лишь
обычная командировка! —

успокаивала меня ты.
Мы устроили на даче
прощальный вечер
с искристыми свечами
и игристыми винами.
Лежали на веранде
под августовским небом
и загадывали желания
на падающие звезды.
Ты сняла кольцо со своей руки
и стала примерять его мне
на каждый палец,
остановившись на мизинце...
Так мы и уснули,
как молодожены,
забывшись в сладкой неге
летней ночи.
Утром я проснулся от того,
что ощутил на своих губах
сливочный вкус
карамелек «слами» —
такими на вкус
были твои губы.
На мое лицо упали
горячие соленые капли,
но я не показал виду,
что очнулся ото сна.
Я ненавидел все эти прощания
и провожания на вокзалы.
Суета, холодные объятия,
скупые слезы
и слова,
которые никогда не скажутся,
а если скажутся, то это будет ложь,
сладкая ложь
во имя спасения отношений
между этими людьми.

Не говорите на вокзалах
громких
высокопарных слов!
Слова — это звук,
который всего лишь
отражение от глухих стен!

* * *

Ты позвонила мне
через 11 часов, проведенных в небе.
— Сегодня воздух такой, как я люблю,
озоновый! —
вдыхаешь ты смесь
«дыхательных» газов.
— Я слышу, как колышется
бамбуковый тростник! —
говорю я, слыша «трубное» пение.
Слышишь, как он поет?! —
улыбаясь, произносишь в ответ.
Едва ступив
на так очаровавшую тебя землю,
побежала к океану Тихому.
Искупалась уже сегодня, —
продолжаешь ты.
— И как? — любопытствую я.
Мне показалось,
что я становлюсь частью
мирового океана!
Любопытные маленькие золотые рыбки
прячутся в ушных раковинах —
восторгаешься ты.
— Щекотно, наверное, — смеюсь я.
— Еще они путаются в волосах,
словно в водорослях! — хохочешь ты.
Забавно, забавно все это!
А я уже скучаю! — грустно произношу я.

А в ответ шорох и электронные звуки
разъединения связи.

* * *

Ирука стояла на берегу
вместе с другими «обреченными»
среди которых
были и ныряльщицы за жемчугом.
Ныряльщицы
стояли как-бы обособленно
в своих белых
развивающихся на ветру саванах,
на их лбах красовались
пятиконечные звездочки.
Ирука спросила,
стоящую рядом с ней
маленькую девочку-плавчиху:
«Что это за звезды?»
Та ответила, что это амулет,
который оберегает ее
от утопления.
Девочка протянула Ируке
кусочек серой рисовой бумаги.
Ирука нашла в сумке
огрызок карандаша,
сделала всего пару линий, и...
грифель надломился.
Спасительный грифель!
Волна уже вошла в бухту,
Ирука зажмурила глаза.
Все стоящие с ней на берегу
были готовы
к наступлению цунами.
Но рассвет для нее,
как и для многих других
так никогда и не наступит.

* * *

Здесь, в России,
я не слышал
этих ужасающих новостей из Японии.
Только вечером, позвонив твоей сестре,
узнал, что Фукусиму накрыло цунами.
— Привет Лен, как дела?
Как там Ирука?
Она звонила тебе сегодня?
— Плохо!
Деньги на сотовом кончились.
До сестры не могу дозвониться!
Ты еще тут звонишь какого-то черта! —
огрызнулась она.
Лена почему-то недолюбливала меня,
все время твердила,
что я не пара тебе.
Я-то понимал,
что она была
тайно в меня влюблена,
но тщательно это скрывала!

* * *

В моей одинокой квартире
раздался очень поздний
(или слишком ранний?) звонок:
— Вы родственник Ируки Харуки?
Я не успел прибавить ни слова.
— Ее тело так и не нашли, —
еле слышно прибавил, —
унесло в море.
— Теперь океан ее могила.
Молитесь океану за ее душу! —
тараторил в трубку
незнакомый мужской голос
на ломаном русском.

— Мои соболезнования! —
сказал незнакомец,
будто плюнув в мембрану,
и повесил трубку.
Я так и остался
стоять с телефоном в руке,
короткие гудки
врезались мне в мозг.
Я не смог ничего —
ни сказать, ни заплакать.
Лег на кровать
и уставился глазами в потолок.
Все силился вспомнить
твое лицо,
но черты его расплывались,
как клякса.
На какое-то мгновение
я ушел в забытие
потолочных гипсовых лепнин.
И тут мне в нос ударил
фантомный запах
морской воды
с гниющими водорослями.
Я очнулся, меня замутило.
Вдруг меня осенило:
в переводе на русский язык
твое имя означало
Далекий Дельфин!
— Вот и уплыла рыбка! —
сказал я в пустоту
гулких комнат
и грустно улыбнулся.

* * *

Утром позвонила
явно пьяная Ленка и заявила,

мол, забирай свои вещи
и цапки, которые дарил сестре.
Я обещал подъехать
в скором времени.
Отпирал я дверь
словно чужим ключом.
Проходя по коридору
вдоль стены,
я рухнул в дверь твоей комнаты,
как падает пьяница
в открытый люк,
хотя у меня ни капли
спиртного во рту не было.
Моему взору предстала картина
мирно спящей,
источающей
ликерно-водочное амбре Ленки
и разбросанных повсюду твоих вещей.
Я положил свой ключ на стол
и молча вышел.
Меня постигли горькие мысли:
Для чего ты жива, а она нет?
Ирука, которая окончила школу
и вуз на отлично!
Ирука, которая владеет
таким нелегким знанием
этого чертового языка!
Ах, если б не этот язык!
Ленка едва осилила
медицинское училище,
шлюха и алкоголичка!
Добрая и нежная Ирука
полный противовес тебе!
Почему ты?
Почему солнца свет?
Как поверить в мир,
если даже мира нет... —

мелькали не то мысли,
не то строчки какой-то песни*
в моей больной голове.

* * *

Сам не понял, как очутился
возле «нашего с тобой»
кафе «Лакомка».
(Говорят же: «Ноги принесли!»)
Там пекли торты и пирожные
самые вкусные в городе!
Ты говорила,
что в этой кондитерской
какая-то специальная печь,
которая была сделана
еще до власти советов.
Ты сидела обычно на стуле
возле каменной стойки
из розового гранита
и представляла,
как твои любимые эклеры
и невесомые безе
вкушали барышни,
такие же нежные и воздушные,
а господа пили горькую арабику
приготовленную на песке.
В воздухе кружил дух кофе, амаретто
и только что выпеченного курабье...
Я вспомнил
нашу первую встречу с тобой, Ирука!
Тогда я увидел тебя
в окружении своих друзей-знакомых.
Я никогда не говорил тебе этого!
Тогда мне захотелось уйти,
попросту сбежать,

* Из песни Евы Польны «Почему ты».

потому что я почувствовал к тебе
какое-то магнитное притяжение
своего нервного сердца!
Я предчувствовал, что будет гроза...
*Будет гроза,
молнии ждут
сигнала контрабандиста.
На глубине
прорвется сквозь
сеть твоя альтависта*.*

* * *

Позже,
когда все «наши» уже разошлись,
мы весело шутили
И препирались
на тему того,
кто даст свой номер телефона первым?!
Ты пишешь на клочке бумаги
свой номер,
улыбаясь чему-то своему,
сокровенному.
Потом поздно вечером,
стоя у дверей
собственной квартиры,
я обыскиваю себя
в поисках этого листка.
Не найдя записки,
срываюсь во двор, к подъезду,
где я вытаскивал из кармана ключи.
Вот же он,
лежит на дороге,
на мягкой перинке из снега!
У меня закладывает уши,
дыхание сбито,

* Из песни А. Васильева «Альтависта».

пульс учащен.
В моей голове
играет сердечный марш!
Что это такое?
Что со мной происходит?
Утром я просыпаюсь и понимаю,
что больше не могу
БЕЗ ТЕБЯ ЖИТЬ!

* * *

Позже твоя сестра
звонила мне по ночам,
рыдая в трубку,
просила приехать.
Я срывался
с одного конца города на другой,
слушал ее пьяный бред,
глотал ее слезы,
горькие, как морская вода,
дышал водочным эфиром,
который в конце концов
одурманивал и меня.
Это был какой-то замкнутый круг,
я попал в дьявольский вертеп!
— Мама, из меня все вытряхнули,
у меня больше нет
ни головы, ни желудка!
У меня нет больше ничего! —
роптал я наутро.
Но однажды все закончилось.
Я понял, что проснулся не один.
Сонная Ленка,
подняв глаза, прохрипела:
— Чё пялишься,
голых баб, что ли, никогда не видел?
— На! Смотри! —

сдернула она со своего тела
шелковое покрывало.
Я смутился,
но как ни в чем не бывало произнес:
— Ты кофе будешь?
— Сам жри свой кофе,
меня тошнит! — огрызнулась она.
Совість меня,
как ни странно, не мучила,
хотя я и не помнил
событий прошедшей ночи.
Спустя пару часов,
когда я вытолкал
недовольную Ленку за дверь,
я вспомнил
приснившийся мне
очень странный сон.
Я стою на застекленной лоджии.
За окнами плещется океан,
в котором плавают
рыбы разной масти.
Уровень воды
на самой высокой отметке,
но стекла не треснули!
Океан не обрушился на меня
всей своей мощью!
Лишь одна наглая рыба
залетела в окно
и больно хлестнула меня по щеке!

* * *

Ранним воскресным утром
меня разбудил неожиданный звонок.
— Что мы делали той ночью, я забыла!
И звонки ни к чему, слышишь! —
сказала
простуженным голосом Ленка

и зашла в лающем кашле.
В голове лишь мелькнуло,
что у нее бронхит
и что она там
совсем-совсем одна.
— Все, прощай,
я ведь тоже человек!
Мне больно, понимаешь? —
не унималась она.
Быстро собравшись,
я по дороге зарулил в магазин
за апельсинами.
— Апельсины?
Возьмите вот эти... красные!
Не поверите, они в разрезе
малиной садовой пахнут!
Эти «корольки»
смертельно больного на ноги поставят! —
заверяла меня продавец.
Апельсины — это первое,
что пришло мне в голову.
Я был в растерянности,
потому что не знал,
что покупают в таких случаях!
Долго топтался около подъезда
так как у меня не было ключа
от наружной двери.
Наблюдал за тем,
как снег липнет к ботинкам,
как воробьи дербанят
подмерзший за ночь хлеб.
Наконец долгожданный топот
у двери
и поворот ключа.
Мальчишка выбежал из подъезда
с большой лохматой собакой
на поводке.

Правда, было непонятно
кто кого «гуляет»,
потому, что собака
волокла мальчика,
куда ей вздумается,
а тот катался на подошвах
ботинок по снегу
и весело гоготал.
Дверь мне открыла
Ленкина подруга:
— Вы с работы, да?
А Леночка спит,
может, что-нибудь передать? —
сказала тихо девушка.
— Здравствуйте,
я не с работы, вот, передайте! —
я протянул девушке пакет
с недоверием к самому себе,
не зная, что Ленка любит, а что нет.
И любит ли вообще цитрусовые?
Да какая разница,
главное,
что я приехал навестить ее! —
успокаивал я себя.

* * *

На неделе я заехал к Ленке,
чтобы проведать.
Она открывает дверь
и со словами: «Входи»
удаляется
внутрь светлых комнат.
Как будто и не удивлена?!
В этот раз я купил тебе цветы.
Ты молча принимаешь букетик,
ставя в литровую банку

на холодильник.
Теперь с «морозилки» свисают
пушистые «водоросли»
оформительских растений,
а чайные розы
выглядят без хрусталя вазы
как-то нелепо.
Когда ты повернулась ко мне спиной,
я разглядел твой позвоночник.
— Боже мой, твой позвоночный столб это...
— Это моя судьба такая же! —
обрываешь ты мои слова.
Я не помню как это случилось,
сказали, что шагнула под машину!
Давай уедем из Питера на море
подышать солью.
Здесь у меня такой жуткий ринит.
Такая течь из носа случается!
Я не чую ничего!
Все запахи этого мира
проходят мимо меня!
Голова от насморка болит! —
совсем по-детски куксишься ты.

* * *

Катрены
готовят для себя катаны.
Ты, будто в сумрачном полете:
На море едешь,
рвешься в Киев,
то просто в Питер прогуляться.
Ведь деться нужно от себя куда-то!
Занозы пальцев оставляешь там,
где больней всего,
где ближе к сути
при близости в *сrvm vbkkbvtnhjd...*

* * *

Ты чистишь яблоки
керамическим ножом.
Зеленые шкурки
расползаются змейками по столу,
некоторые убегают под стол
к тонким щиколоткам.
— Можно глянуть на это чудо
японской промышленности? —
полюбопытствовал я.
На мою ладонь лег клинок.
*В моей руке
клинок из стали.
Он просит мое сердце
быть холодным,
неспособным г боли.
В моей руке клинок из стали,
но мысли путаться не перестали.
Он холодом меня своим питает.
Он точно знает,
чего хочу я!
А время продлевает
жизни бег.
Пусть мой пробег
немногим меньше лет!
Кто знает?
Быть может? он
с руки моей сорвется,
вонзится прямо в сердце мне!
Тревожно обжигая душу
огнем последним,
последним вздохом обернется
слово «ТЫ»...*
Я инстинктивно сжал руку.
Мои брюки окропила кровь.
— Ой-ей! Да осторожней же ты!

Это же не просто китайский фарфор!
Это почти катана! —
пугаешься видѣ крови ты
и спешишь
к моей израненной руке с аптечкой.

* * *

Показываешь мне свое фото в платье
с выпускного вечера.
— Ты посмотри, какая я была,
красивой, что ли...
Гладенькая такая! —
устало-охрипшим голосом
с легким привкусом горечи
произносишь ты.
А это мы с мамой и сестрой! —
указываешь ты мне
на следующую фотографию,
попутно вспоминая
печальную историю.
— Бледная мама
с лихорадочным блеском в глазах,
уставшая и обессиленная.
Она сидит на краю кровати
и собирает с прикроватной тумбы
хлебные шарики
с ядовитой начинкой,
давясь, запивает их водой.
Она как-то особо нежно
ласкает меня!
Понимаю, что она уходит от меня
навсегда,
но ничего не могу
с этим поделать!
— Уходи, уходи, тебе пора, опоздаешь,
ну уходи же, все будет хорошо! —

сорванные почти на крик слова,
она продолжила с улыбкой
и с большим уверением
в благополучии действия.
С тех пор в ней что-то умерло,
отмерло как ненужное,
по каким-то причинам
непригодившееся,
как атавизм, как хвост!
С тех пор мама стала другой,
в тот день я ее потеряла!
Но найти ее в новом качестве
уже не представлялось возможным!
Она отдалилась от меня,
ее цвет превратился в бешено-красный.
В любой ситуации
она оказывалась крайне правой,
самой лучшей для окружающих во всем!
Я иногда боялась ее,
потому что это была не моя мама,
а кто-то другой!
Да, другой,
надевшей маску из вареной свеклы,
да так до конца ее никогда и не смывшей!
Наверное, я была лишней!
Да-да! Я была этим самым хвостом!
Мама ушла от нас с папой
в «новую жизнь»,
прихватив с собой мою сестру.
Ты плачешь.
Я ненавижу женские слезы!
Они всегда какие-то фальшивые,
подкупные,
но у тебя по-другому!
Когда сильные эмоции захлестывают,
ты уже не можешь сдерживать слез!
Независимо от повода, будь то обида

или впечатление,
оказанное произведением искусства,
по твоим бархатистым щекам
текут соленые дорожки!
Ты стесняешься своих слез при чужих!
Тебе немного неловко,
но ты ничего не можешь с этим поделать!
«Извините!» — это единственное,
что ты можешь выдать в тот момент.
Ты мгновенно перевела тему,
суешься над моими брюками:
— Надо застирать,
застирать кровь по-быстрому!
Потом никогда не отстирается! —
хлопотала ты над брючной тканью.

* * *

Пока ты возилась в ванной
с моими брюками
ко мне пришел твой любимец —
британский кот Пумчик.
Это короткошёрстный кот
серо-голубого окраса,
который внешне был похож
скорее на африканскую пуму,
чем на домашнего котика.
И характер был соответствующий,
если кого невзлюбит, то держись!
У нас с ним сложились
довольно нейтральные отношения —
он охотно делил со мной «свою территорию»,
признавая во мне «сильного самца».
Помню, как летом мы ходили на пикник.
Так вот, тогда в покрывале
мы принесли домой кузнечика.
Ох и верещала тогда Ирука

при виде этого насекомого!
Орала, мол, выбросьте эту гадость!
А Ленка назло сестре
посадила его в коробочек
и кормила яблоком.
Он ел по крупинкам,
беря каждую в передние лапы!
— В траве сидел кузнечик,
совсем как огуречик,
зеленький он был! —
весело пела у себя в комнате Ленка,
чтобы побольней задеть сестру.
На следующий день
мы поехали с Ирукой
на Птичий рынок
около площади Калинина,
чтобы выменять у Ленки
коробок с кузнечиком на котенка.
Только так можно было
утихомирить эту разбойницу!
В скверике напротив рынка
стоял народ со своим зверьем.
Идут люди с остановки через сквер
и присматривают себе питомца.
На самом же рынке всегда
за несанкционированную торговлю
гоняют.
Единственный официальный прилавок,
который там был, это лоток
Кретингской литовской зверофермы.
Женщины с какой-то невыносимой тоской
смотрели на серебристо-чёрных лисиц,
голубых песцов и норок.
Почти у самого входа стояла
миловидная женщина средних лет
с «плюшевым мишкой» в руках.
При приближении к ней «медвежонок»

оказался довольно крупеньким
мохнатым котенком
с серебристой флисовой шерсткой.
Ирука не смогла устоять
от такой пушистой красоты
и взяла котика в дом.

* * *

Ленка отыскала на антресолях
каблуки сестры.
Надела. Потопталась.
Туфельки,
как ни странно, оказались впору!
Она старательно держалась
на высоте шпилек,
крутилась в фуэте перед зеркалом
в наполненной солнцем зале.
Я взял со стола
карманное зеркальце
и пускал солнечных зайчиков
в ее улыбающееся лицо.
Она смеялась пуще прежнего!
Солнечные блики,
отражаясь от нежного лица,
делали его еще более прекрасным!
И вдруг каблук не выдержал
такого нахальства
и сломался!
Я успел подхватить ее.
Сердце билось,
как голубок в моих ладонях.
— Аригато!* — спешит освободиться Ленка.
Мое сердце прошито
стальной пулей из автомата АКМ.
Можно ли убить словом?

* Спасибо (япон.)

Я бегу, бегу с поля боя,
хотя это не по моим правилам!
Я ДЕЗЕРТИР!

* * *

В пятницу я шел с работы
усталый,
я бы сказал, какой-то изможденный
и думал только
о предстоящих выходных.
У моего подъезда
стояла твоя одинокая фигура,
освещенная желтым,
покачивающимся на ветру, фонарем.
А вокруг плясали
вечерние тени деревьев, скамеек, оград.
— Лена! — крикнул я издалека
и помахал рукой.
Ты, обернувшись,
сдержанно посмотрела в мою сторону.
Мы поднялись наверх,
в мою холостяцкую квартиру.
Ты, преодолевая ступеньку за ступенькой,
не произнесла ни звука,
к слову даже не поприветствовала!
А я ни на чем таком и не настаивал!
Жилище встретило нас
непроглядной темнотой,
холодной и неуютной.
Я поспешил
щелкнуть кнопкой выключателя.
При вспышке света ты дернулась,
словно маленький испуганный зверек,
и чуть не опрокинула
трехногую напольную вешалку.
— Нервишки шалят, шалавы!

Может, потому что весна? —
нервно шутишь ты.
Я приглашаю тебя
проследовать на кухню.
Твое лицо при свете лампы
мне показалось мелованно-бледным.
Ты морщишься от явной боли.
— Что такое? Что? —
беспокойно осматриваю тебя
в поисках болезненного места.
Ты задираешь рукав джинсовой рубашки.
Предплечье украшает
сине-буро-малиновая гематома.
— Подралась, что ли? —
сам собой назревает вопрос.
— Помоги мне, нужно проткнуть! —
стоишь ты на своем.
— Ты с ума, что ли, спятила?
Это нельзя делать,
это может сделать только врач! —
протестую я.
— Я знаю, ты сможешь! — заверяешь ты.
Я не найдя других предметов,
взял в руки канцелярские ножницы,
зажмурился и ударил острием «ножей».
В месте прокола
выступила черная густая кровь.
Ты рванула «джинсу» на части,
оставшись в одной футболке.
Попросила затянуть потуже,
не забыв сказать
свое тихое, измученное «спасибо».
Я достал из холодильника
бутылку саперави,
зачаленную для какого-нибудь
особенного повода.
В Грузии это произведение винодельчества

называют «красильщиком»
из-за своей способности
окрашивать губы в сине-алый цвет.
«Вот и повод нашелся!» — грустно подумал я.
Ты, находясь «под мухой», созналась,
что таким вот варварским образом
проверяла твердость моей руки!
Позже, совсем охмелев,
ты поведала мне
довольно печальную историю.
У тебя была подруга Анечка,
с которой ты училась в одном классе.
Она тяжело заболела.
Ты позвала одноклассницу Олечку
навестить ее:
— Надо Аню навестить,
давай сходим к ней в выходные?!
Я хочу ее увидеть, она ведь болеет! —
настаиваешь ты.
— Она не хочет никого видеть! —
говорит тебе Оля.
Почему-то эта фраза произносится ею
шипяще.
Как-то змеино-предупреждающе, что ли?!
Мол не суйся, не твое это дело!
Ты поддаешься ее словам.
Ведь, когда болеешь,
в самом деле ничего не хочется!
А через месяц
классный руководитель оповестила,
что наша Анечка ушла от нас.
Хочется взлезть на стену,
как будто, достав потолок,
можно что-то исправить!
Ох уж эта Оля, Олечка!
Может быть,
если б она согласилась тогда пойти,

то ничего страшного бы не произошло!
В Анечкиной небольшой квартирке
на огромном столе
лежит восковая кукла,
одетая в белое свадебное платье,
словно из музея мадам Тюссо*.

Чем-то похожая на Анечку,
но только ПО-ХО-ЖАЯ!
Боже, Боже! Нет!
Не может быть! Это не ты! Нет! —
Ленкино сознание отрицает произошедшее.
Зареванная Анечкина мама говорит,
что Аня совсем не мучилась,
во сне умерла!
Господи,
на месте подруги могла оказаться ты!
От осознания этого
у тебя случилась жуткая истерика.
— Боже, если я достану потолок,
ты вернешь ее?
Боже, я достану потолок, верни, верни ее! —
умоляет Ленка Всевышняго.
Но только красные гвоздики
устилают восковое «неанечкино» лицо.

* * *

А ночью Ленке приснился сон:
Анечка сидит на песке.
Он совсем не белый и не теплый,
какой-то желтовато-грязный,
но речной.
Такого на стройках целые КамАЗы!

* (Музей мадам Тюссо (фр. Madame Tussauds) — музей восковых фигур в лондонском районе Мэрилебон.)

Анечка перебирает камешки:
персиковый, цвета морской волны,
черный — откидывает в сторону!
Она в глубокой задумчивости,
выбившиеся из прически локоны
развеваются на ветру.
Стоп-кадр: Анечка улыбается
ослепившему ее солнцу,
на шее поблескивает стальное сердечко
на бархатном колье — «ошейничке»...

* * *

Мне позвонил твой отец.
Обыденно молчаливый и угрюмый,
сейчас он говорил
беспокойно и быстро.
Он сетовал на то,
что ты пропала из дома
и пропускаешь работу.
Поспешив откланяться,
я пообещал, что помогу в поисках.
Я нашел тебя здесь,
в обшарпанной старой квартире
в компании подружки-собутельницы.
Ты сидишь
в сером вытянутом джемпере сестры,
опрокидывая стопку за стопкой.
Кашляешь-давишься огненной водой,
до слез обжигая горло.
— О! Ты здесь? Какие люди!
Ты чего приперся-то?
Чего вам всем нужно от меня?
Поезжай в Поднебесную к своей крале! —
злобно скалясь,
поприветствовала меня Ленка.
— Под небом голубым

есть город золотой... —
затянула невпопад
срывающимся голосом
твоя подруга.
Потом, словно опомнившись,
она встает и говорит:
— Разбирайтесь сами, молодые люди!
Я пас! Я не участвую в войне —
она участвует во мне!
Уходит, слегка пошатываясь.
Напоследок томно обдаёт меня
пьяным маслянистым взглядом
черных, как греческие маслины, глаз.
Я объясняю Ленке,
что приехал за ней по просьбе отца.
— Но раз ты не едешь со мной,
то я, пожалуй, пойду —
спокойно говорю я
и выхожу в прихожую.
Мне ничего не остается,
как шнуровать свои ботинки.
Вдруг я слышу
толи приказ, толи просьбу:
«Иди ко мне!»,
жалобно прибавляя
«Ну пожалуйста»!
— Я, я, я — заикается Ленка,
далее она выводит в воздухе
знак сердца.
Я не понимаю,
что она хочет мне сказать,
но догадываюсь,
и прошу повторить.
Потом притягиваю ее к себе
для поцелуя.
Наши губы выполняют
этот тайный,

но такой знакомый обряд!
В дверях возникает твоя подруга,
и ты кричишь ей,
чтобы она не смотрела на нас!
Потом ты просишь
отвезти тебя в церковь.
— О, Господи,
только не пьяной! — протестую я.
— Иисус не батюшка священник.
Он все поймет! — говоришь мне ты.

* * *

Мы выходим с Ленкой
из темного подъезда.
Яркое зимнее солнце
ослепляет нам глаза,
мы смеемся и жмуримся.
Я выуживаю из кармана очки
в роговой оправе
с зелеными стеклами.
— Какие у тебя очки чудные,
как у черепахи Тортиллы! —
говоришь мне, улыбаясь, ты.
— Зато я не жмурюсь, как ты! —
отвечаю я,
как бы передразнивая.
— А ну дай мне посмотреть! —
раззадорилась ты.
Снимаешь с меня очки
и примеряешь на себя.
— Ух ты, зеленый снег,
изумрудное небо,
я не знала, это так здорово! —
удивляешься ты.
— А знаешь, чего я хочу?
Калейдоскоп! — говоришь ты

мечтательно,
запрокидывая голову назад.
— Калейдоскоп?! — переспрашиваю я.
— Я думаю и у тебя был такой!
Оп — картинка! Оп — другая!
И никогда не повторяется!
Калейдоскоп любви
тоже меняет лица! Оп!

* * *

Все люди мечтают о любви!
А когда приходит
это заветное чувство,
они пугаются
и прячутся в свой панцирь,
подобно улиткам.
Они боятся ощутить
волшебные крылья
за своей спиной.
У них возникает
панический страх,
что их драгоценное сердце
будет принадлежать
еще кому-то кроме них самих!

* * *

Я ехал домой с легким сердцем,
потому что доставил тебя отцу
в целостности и сохранности.
Как мне казалось,
я лишь на мгновение закрыл
свои воспаленные
от недосыпа глаза.
Осознание происходящего
уходило от меня,

и я чуть было не прозевал
свою остановку!
На воздухе мороз
обжег меня ментолом,
и я окончательно проснулся.
Дома было шаром покати,
но в холодильнике
все же обнаружился пакет молока.
Меня трясло от холода,
но я жадно глотал
холодную синевато-белую жидкость.
Я понимал,
что необходимо как-то подпитать
свой «утомленный солнцем и нарзаном»
организм.
К тому же я знал,
что без хорошей дозы снотворного
мне глаз не сомкнуть,
а на голодный желудок
любое лекарство — чистый яд.
Собрав все теплые одеяла и пледы,
я нырнул в их плюшевое нутро,
но сон как-то не шел.
Мой «близорукий» мозг
отчетливо видел,
как в глазах у борзых
мельтешат фонари — по цветочку!*

И этой собакой борзой был я!
У меня щемило сердце
от предчувствия чувства.
Я вспоминал
недавно произошедшие,
немного спонтанные события:
Ленка машет руками в воздухе,
выводя слова на рыбьем языке.

* Из стихотворения
И. А. Бродского «Неужели не я»

Ее улыбка полна нежной грусти.
Она так похожа сейчас на тебя, Ирука!
Проснулся я тяжело
от телефонной трели.
Меня вызывали
по моему давнему делу
в Клайпеду.

* * *

В юности
отец служил надсмотрщиком судов,
которые приходили в порт.
И высадил он как-то
одну симпатичную немку,
которая показалась подозрительной
старшему по званию коллеге.
Прекрасная незнакомка
в шляпке и белом платье,
словно сошедшая
с пронизанного солнцем
полотна Сезанна.
Иностранка решила
просто-напросто откупиться
от парня в погонах,
вложив ему в руку «магарыч».
Он, смущенный,
хотел отстранить ее хрупкую руку
в белой кружевной перчатке.
Девушка робко преградила
путь его руки своей рукой
и тихо произнесла:
Hand aufs herz!*

Mein Herr, das klein Geschenk —**

* от всего сердца (нем.).

** мой господин, это маленький подарок (нем.).

уже смелее произнесла она.
— Nicht Sorgen machen!
Ich muß gehen*! —
поспешила успокоить его фройляйн.
Отец, ошеломленный, так и остался
стоять со «взяткой» в руке,
которая оказалась не чем иным,
как антикварным веером
с золотым шитьем
и драгоценными камнями.
С такой вещицей
за пазухой не походишь
и в прикроватной тумбе
в казарме не спрячешь.
Созрел тогда у парня план:
схоронить свой клад
на чердаке общественной столовой.
Там под крышей
он нашел самое укромное местечко.
Схоронить-то схоронил,
да случилась с ним беда!
Разыгрался
сильнейший шторм в то время,
как отцу выпало дежурство
на смотровой вышке.
Почернело синее море.
Надсадно орали чайки.
Море дерзило
и плевало солью в лицо.
Трещали корабельные сосны.
Военные
и государственные стяги
полоскало по ветру.
Заискрились и сорвались провода.
Вдруг не выдержала,
упала смотровая вышка

* Не беспокойтесь, я ухожу! (нем.).

и накрыла парня с головой.
Как же он жалел, что его руки
не могут дотянуться
до табельного оружия!
Застрелился бы, ей-богу! —
говорил,
вспоминая свои мучения, отец.
Вскоре от болевого шока
пришло спасительное небытие.
Очнулся он в госпитале
с переломом позвоночника
и ногой на вытяжке!
Какие тут мысли
о спрятанных сокровищах?
Скорее бы встать на ноги!
Так и уехал домой,
не поднявшись на чердак,
потому что ходил на костылях,
а делиться своей тайной
было не резонно.
Я же, в свою очередь,
так много слышал
об этой истории от отца,
что решил сам поехать
на поиски клада.

* * *

Получив «добро» от военной части,
на территории
которой находился нужный мне объект,
я побросал
самые необходимые вещи в рюкзак
и полетел в Клайпеду.
Меня окрыляло
предвосхищение открытия!
Начальник запросил 20%

от стоимости находки,
я немедля согласился.
А что мне оставалось?
Я бы никогда в жизни
не увидел это произведение искусства!
После возни с бумагами,
на которых я поставил свои автографы,
закончилась официальная часть.
И я в сопровождении командира
и двух молодых бойцов
отправился в корпус,
где раньше находился пищевой блок,
а сейчас базируется склад
продовольствия.
Здание хоть и претерпело
перепланировку,
но было построено на совесть.
Я старался не отставать
от бравой поступи начальника,
который лихо взбирался
по скрипучей лестнице,
тряся отъеденным брюшком.
Попав на пахнувший старым деревом
и пылью чердак,
я и мои спутники
стали прощупывать занозистые стены
на предмет обнаружения
предмета поиска — веера.
Я на мгновение задумался,
пытаясь представить
куда бы спрятал драгоценность,
если бы был на месте своего отца.
И тут мой глаз уловил
темно-коричневый пенал,
который был аккуратно
втиснут под потолком крыши.
Я приподнялся на носки

и вытащил пыльный пенальный футляр.
— Открывай, открывай же скорее! —
затрясся от любопытства начальник.
Я скovyрнул ножом
проржавевшую металлическую кнопку,
она не сразу, но поддалась,
со звоном отлетев в сторону.
И моему взору предстало
черное бархатное нутро футляра,
в котором лежала
лишь сморщенная куколка бабочки.
— А ваш батюшка, враль!
Старый баламут! — закипел Главный.
Достав папиросы, он крепко затянулся,
чтобы успокоить
расшатавшиеся нервы.
Солдатики сочувственно
поглядели на меня.
Мне ничего другого не оставалось,
как покинуть пограничный блокпост.

* * *

Поезд ЭДбм-100805.
Рельсы в небо уходят
стремительно.
Белые стены,
палаты больничные,
стук каблуков в коридорах,
мерцание неоновых ламп.
Мне бы вытащить тебя
из лап болезни!
По полу рассыпаны
таблетки, пилюли,
стеклянные ампулы.
НЕТ СМЕРТИ ДЛЯ ТЕБЯ!

* * *

Дома я, не распаковывая вещей,
рухнул на застеленную кровать.
Усталость валила с ног,
но мысли кипели в моей голове.
В руках я вертел тот самый пенал.
Зачем отцу говорить напраслину
и вводить меня в заблуждение?
Нет, он никогда не был словоблудом!
Что это?
Прогрессирующий старческий маразм?
Нет, никогда не поверю!
Для меня ты — ГЕРОЙ!
Пусть ты болен и слаб!
Никогда, ты слышишь, никогда
нам не забыть тот «смоляной ад»!
Вот под такие грустные думы
я и отправился в объятия Морфея.
Меня вытащил в реальность
телефонный звонок.
На том конце провода
рвала и метала Ленка:
— Я тебя ненавижу, ненавижу!
Где ты был?
Какая статья Уголовного кодекса
относится к ситуации
«Оставление в опасности»?
— Псалом 90! — парирую я.
— Не морочь мне голову!
Где ты был? — не умолкала она.
— Лен, давай позже поговорим,
когда ты успокоишься! —
терпеливо настаиваю я.
У меня не было сил
выслушивать дальше эту истерику,
и я повесил трубку.

Понимая, что больше не усну
я начал разбирать рюкзак.
Вещи в стирку,
вещи в шкаф,
мусор в ведро.
Боже, ну и за что мне все это?!
Нет, это не совсем правильно
поставленный вопрос!
Бог дал —
значит, заслужил, значит...
Мудрец сказал:
«Господь дает по силам испытания!»

* * *

И вдруг что-то щелкнуло
в тишине комнат,
будто лопнула
тугая медицинская резиновая перчатка.
В отцовском пенале лежал кокон,
покинутый новоявленным насекомым.
Бабочка почувствовала тепло
и очнулась от многолетнего сна.
Ну где же оно? Где? —
искал я глазами по стенам.
По стене ползло насекомое
похожее на мокрую летучую мышь,
но крылья ее постепенно «просыпались»,
наливаясь насыщенным цветом
и бархатной фактурой
Она открывала миру
всю свою божественную прелесть
и неземную красоту!
Ним-фа Анти-о-па —
произносил я нараспев
название бабочки на латыни.
Антиопа — царица амазонок,

взятая в плен Тесеем,
впоследствии родившая ему сына.
А когда амазонки
пошли войной на Афины,
она встала на защиту города
и погибла в честном бою.

* * *

Ленка сидела за своим письменным,
давно уже не ученическим столом
и писала, как ей казалось,
последнюю в своей жизни записку:
*Я не самая замечательная,
какая могла бы быть
и какая могла бы казаться другим,
знакомым-незнакомым людям.
Я человек со своими достоинствами
и недостатками.
Моя суть заключена
в грудную клетку
между ребрами-решетками.
Бьется она, пульсирует,
больно ей смотреть
на этот мир, больно.*
— Всё, я устала, хватит с меня!
Всё! Просто закрою глаза
и усну крепко-крепко
в димедрольном наркотическом сне! —
успокаивала себя Ленка.
Мутно.
Ладони стали липкими и влажными,
тело бьет сильный озноб.
Мне согреть... согреться бы!
Мысли клубами путаются в клубки.
Крысы, крысы, кругом крысы!
Они меня окружили!

Да они же меня сожрут!
Скора.... скорая! Как же это?! А!
Непослушные пальцы
набирают короткий номер.
В трубке звучит приветливый голос:
— Назовите адрес,
фамилию, возраст, что вас беспокоит?
— Адрес... адрес...
Не помню, не знаю! Я же у-ми-раю! —
спотыкается о слова Ленка.
На другом конце провода:
— Алло, алло, девушка,
я вас не понимаю! —
пытается разобраться в чем тут дело
голос из трубки.
Короткие гудки
врезаются прямо в мозг.
— Ммм, я умираю,
а она про адрес какой-то!
Так, спокойно!
Спасение утопающих —
дело рук самих утопающих! —
говорит она сама себе.
Стоп-кадр: Питер,
над ее головой
раскинулась
«шевчуковская» белая ночь.
Кто-то «пилит» на скрипке,
кто-то блюет в подворотнях.

*Не дожить, не допеть,
не дает этот город уснуть
И забыть те мечты,
чью помаду не стер на щеке
В эту белую ночь
твои люди, шаги, как враги,
В обнаженную ночь*

*твоя медная речь — острый меч
В эту белую ночь,
да в темные времена
как ты там,
за чертой, где-то там в тишине,
Заболел я душой,
что вернулась ко мне
эта белая ночь,
без одежд ждет и просит любви
Эта голая ночь,
пропаду я в объятьях ее, не зови
в эту белую ночь,
да в темные времена**

* * *

«За то, что она была
слишком чувствительна», —
листаю я
страницы журнала искусств,
внимательно рассматривая
причуды Франсиско Гойя**.
Убейте меня за то,
что я был слишком чувствителен!
Любой проходящий
может смело бросить
в меня камень и плюнуть в лицо!
Не испытывайте ко мне сочувствия,
питайте жалость!
Я бы сам себя изжил,
но самоубийство — это грех!
Я запутался в именах,
как в окончаниях слов.
Твой запах остался на моих руках.

* Ю. Шевчук «Белая ночь»

** «Por qué fué sensible»

из серии офортов художника Франсиско Гойя.

Ты пахнешь «лилейной водой» —
нежным розовым лотосом.
Кто ты мне?
Просто любовница?
Или все-таки любимая?
Кого из этих
двух барышень я люблю?
Покладистую Еву
или страстную Лилит?

*И Бог, видя одиночество Адама,
сказал сам себе:
«Нужно создать для Адама нежную подругу,
дабы человек вкушал отрады рая
не в одиночестве».*
*И поймал устремленное ввысь пламя
и из его зыбких, порхающих языков
сотворил первую женщину — Лилит.
И, посмотрев на свое создание,
восхищенно сказал: «Добра, ибо прекрасна».*
*И подозвал к себе Адама.
Вложил маленькую руку Лилит
в ладонь прачеловека...
Но Лилит оказалась самовлюбленной
и строптивой.*

* * *

*И внял господь стенаниям Адама
и преисполнился к нему жалостью,
размышлял о том,
что невозможен союз
устремленного ввысь огня
со льнущей в земле перстью.
И погрузил он Адама в сон
и из ребра его
создал ему новую подругу — Еву,*

*чтоб по происхождению своему
была бы Адаму покорна,
могла бы любить только его
и умела бы утешать его.
И отверз очи свои Адам
и увидел рядом с собою
новую подругу,
не столь совершенную
и огненно-прекрасную,
как Лилит,
но тоже прекрасную —
и прекрасную по-человечески,
наделенную душой человеческой.
И подошла Ева к Адаму,
и положила голову ему на плечо,
и нежно ему улыбнулась,
устремляя преданный взор
в ответ на грустный,
мечтательный взор Адама*.*

В минуту осекаюсь,
одну точно любил...
Если бы я знал,
что мы больше ни разу не свидимся,
я не выпустил бы твою руку из своей!
Это ностальгия по той осени,
которая нам не была дана!
Она, как вино красное сухое
с легкой пасленовой горечью,
сгустком бордовым
течет через горло.
В моем сердце,
как и в сердце Кая,
застряли осколки зеркала.
Закончен бал, погасли свечи.
Дворник сметает конфетти

* из произведения Аветика Исаакяна «Лилит»

и блёстки с паркета асфальта.
Вчера лежал на пряной осенней листве,
у подножия таврических тополей.
О чем я думал?
Да ни о чем!
В моей голове пустота.
Молчание мысли.
Когда стоишь на рубеже,
когда уже невозможно
ничего вернуть,
хочется довольно странных вещей:
клюкву в сахаре,
бугульминского бальзама
с ананасовым соком,
квашеную капусту с апельсинами,
йогурт,
промороженный до состояния снежинки,
фиолетового пломбира из Карелии,
поэтичного сока botaniq.

*...а как-нибудь в марте,
может быть, в понедельник
нагрет весна.
Что-то неуловимо
изменится в воздухе,
и тот перестанет быть зимним.
А солнце придвинется ближе
и озябшие ветви,
потянувшись к нему,
окутаются нежной дымкой.
И жизнь проснется
в уютной темноте земли
и выглянет наружу
любопытным зелёным ростком...
И разбуженная Природа
примется за дело,
затевая своё древнее волшебство.*

*И бурлящие потоки жизни
ворвутся в мир,
вернув ему прежние краски
и позабытые давно ароматы.
И неожиданно для самих себя
мы вдруг почувствуем,
как что-то начнёт меняться в нас.
И улыбнёмся этой новизне...»**

* * *

Вчера мне позвонил Ленкин отец.
Он сказал, что болен,
ему предстояла серьезная
полостная операция.
А главное
он рассказал о необыкновенной истории
произошедшей с ним в больнице.
— Меня будет оперировать Сам,
представляешь?
Он заведующий отделением
в Покровской больнице,
говорят, к нему очередь по записи
на полгода вперед!
Он подходит ко мне наведни, значит,
и говорит:
«Я вас буду оперировать, батенька,
мол, дочка ваша слезно меня просила!»
Какая дочка? — удивляюсь я, Ленка, что ли?
Думаю, ну точно не она.
Эта непутевая
неделями дома не появляется.
И, кроме себя, в упор никого не видит,
эгоистка чертова.
Говорит, что Ирука приходила...
— Ирука... гм-хм, —

* Неизвестный автор. Original botaniq.

спохватываюсь я, умолкая.
В моей голове мелькают сомнения
в его душевном здоровье.
Пропахший бензином «уазик» душит,
рвотная тошнота подкатывает к горлу.
Водитель, видя мои судороги,
протягивает мне квадратик
мятной жевательной резинки.
Я роняю его под ноги
на грязный, мокрый,
такой же резиновый,
как и сама жвачка, коврик.
Контраст белого на черном,
«Черный квадрат» Казимира Малевича
навыворот, наизнанку.
— Мда, ну и дела!
Значит, она ангел теперь! —
восклицаю я,
давась удушливым «горючим».
— Будет кому заступиться за нас
перед Богом! —
радуется Ленкин отец.
Я распрощался с ним,
пожелав скорейшего выздоровления.
Да какое там здоровье может быть?
Он потерял дочь,
вторая катится, как по ступенькам, вниз.

Махнутья, что ли
иголками с ежом?
Я рад, что в твоих объятиях
хоть кто-то оттаял.
В бесконечности льдов
(читай — водки «Ледов»)
не достать до дна.

Я, наверное, ослеп.
Я не попал в мишень ни разу!
Слезы градом,
но мне ничуть не больно!
В тебе сегодня
умерла Фукусима,
а я не могу помочь,
ничем не могу помочь!

Питер — мой дом.
Пусть даже без крыши над головой!
Под низким серым небом.
Здесь оно ближе всего!
Вне его «стен» я бездомная дворняга!
Вот так и получается, что кручусь,
как белка в колесе.
Меняются только декорации,
а спектакль — прежний, классический:
«Мама, я идиот, это неизлечимо!»
Когда не хватает воздуха,
Новое — хорошо забытое старое!
На те же грабли наступаю и топчусь!

Ко мне на работу приехал мой приятель.
В школе его прозвали Ерш,
за то что глаза у него были большие,
навыкате, с мутно-лиловой радужкой,
как у одноименной рыбы.
— Бабка померла третьего дня,
а могилку скопать некому!
Бабы, старики да дети малые!
— Друган-братан, выручи! —
упрашивал он меня.

Я неохотно, но согласился,
так как был лично знаком
с покойницей.
Был февраль,
с неба крошил белый песок,
земля была промерзшая и неподатливая.
Нам предстояло основательно покорячиться,
чтобы подготовить для усопшей
последнее пристанище.
Когда часов через шесть мы закончили,
руки мои были стерты в мозоли,
хотя мы работали
в строительных перчатках,
спина безжалостно ныла.
Товарищ предложил
подкинуть меня до дома
и заодно, как водится,
помянуть бабку.
Ерш достал из багажника
старенького «москвича»
бутылку белого стекла с жидкостью:
— Вот, баба Люба
припасла розового муската!
Пусть земля ей будет пухом!
— Царства ей небесного! —
поддержал я товарища.
— Мда, старуха была
Божий одуванчик!
Ни о ком
плохого слова не скажет!
Ела незаметно, как птичка,
зовешь к столу —
«Я потом, опосля всех»,
все дни проводила в работе —
не дай Бог занемочь и слечь!
Всё жила —
боялась, померев,

причинить другим неудобство,
все опасалась распухнуть и посинеть!
Как истинная дама,
боялась плохо выглядеть!
Тревожилась лежать
и распространять трупную вонь!
И ты знаешь, все сбылось,
как она хотела:
умерла «на ногах»,
так тихо ойкнула
и отдала Богу душу!
Смотришь на нее,
румянец разлился по щекам,
даже морщины разгладились,
лежит, будто спит крепко...
Я стоял,
силился взять ее руку в свою,
но страшно как-то стало,
побоялся не ощутить тепла ее рук.
А на руке, представляешь,
следы синей краски —
это батя скамейку
перед домом красил.
А ты представляешь
она в церковь ходила,
священника Михаила все хвалила,
как он службу ведет!
А этот Михаил
приехал ее отпевать уже «под мухой»!
Боже, да гореть ему в аду,
пьяной скотине! —
не унимался приятель,
пуская дым от папиросы
в чуть приподнятую пыльную «завесу»
стекла автомобиля.
Я молчал,
только перекатывал во рту

виноградное вино
аромата яблок белого налива,
который в Ленинграде величают
«винным»,
а в Поволжье
и вовсе кличут «пудовщиной».
— *Вот и не осталось ничего.*
Вот и не осталось ничего —
а лето пахнет солнцем. —
подпевал приятель звучавшему по радио
искристо-багряному голосу*.
Боюсь, что кое-что осталось.
Оно даёт о себе знать
покальзыванием слева!
А ещё шелковая нитка
от твоих бисерных бус,
лежащая на подоконнике...
Кто-то уже успел отдать дань некрологу.

* * *

Вдруг я увидел
очертание знакомого силуэта,
который мелькнул
около моего обшарпанного подъезда —
это была она, Ленка!
Она искала меня везде и всюду!
А я и не прятался вовсе,
просто превратился
в некоего хамелеона,
который сливается
с окружающим миром
и живет по принципу:
если он не захочет,
то его и не увидят вовсе!

* Из песни Д. Арбениной «Солнце».

Ведь за эти несколько месяцев
я совершенно выбился из сил!
Я устал от всех,
от нее, от себя,
от этих вечных телефонных звонков!
Мне постоянно снилось море,
то спокойное аквамариново-голубое,
то мрачное обсидианово-черное.
Мерещился запах морской соли
обжигающий мои ноздри
хуже любого уксуса.
Я даже перестал употреблять
эту специю в пищу,
потому что она вызывала
лишь тошноту и горечь во рту.
Теперь все моря представляются
мне кладбищами.
Ленка, посмаковав мятную сигарку,
постояла немного у подъезда
и удалилась.
Уходила она, оглядываясь,
боялась, что я неожиданно появлюсь
на горизонте,
а она упустит этот момент.
Как будто от этого момента
что-то зависело,
казалось, что зависело!
Я уже не мог ничего изменить,
потому что дальнейшее
наше нахождение рядом
грозило
общей глобальной катастрофой!

* * *

Почему нельзя
стереть память?

Сшил губы суровым нитками,
чтобы не закричать!
Боль краповая, как береты,
уходящая в серый.
Я не помню, какими —
нежными или грубыми — были твои руки?
Твоя весна принесла мне
лишь опавшие лепестки,
белые, как снег на полях.
Твоя любовь —
тлеющую головешку
вместо сердца!

* * *

Ты окликнула меня по имени —
я обернулся.
Ты стояла
закутанная в черный
кашемировый шарф,
на изъеденных губах
лоскутками висела
нежно-розовая помада твоей сестры.
С одной стороны,
тебе это жутко не шло,
с другой —
было настолько родным
и казалось таким умильным,
что рвало мое сердце в клочья.
Весенний,
но все еще морозный воздух
расщеплял твой запах на молекулы.
До меня долетали
только отголоски свежего,
кристально-чистого,
насыщенно-цветочного,

влажного аромата «лилейной воды».
От этого воздух становился
еще более весенним!
Мне так хотелось обнять тебя
и ощутить эти нежные губы
на своих губах.
Но я, напротив,
отступил от тебя на шаг,
делая вид,
что хочу просто
отойти в сторону от дороги,
чтобы не мешать прохожим.
— Лен, мне нужно срочно уехать!
Я не знаю, на сколько,
возможно, навсегда! —
сказал я уверенно и твердо.
— С другой девушкой? —
печально спросила она.
В голосе пропели
слабые нотки отчаяния.
— Нет! — обрываю я поток
предательских мыслей.
Факт моей измены
как-то отлегло от ее сердца.
Изумрудный лед в глазах
растаял.
И Ленка, хитро улыбнувшись,
сказала:
— Отхлестать бы тебя
можжевеловым веником по заднице
за твои выходки!
Я посмеялся про себя, но промолчал.
— Ты знаешь мой номер телефона? —
спохватилась Ленка.
— Погоди-ка, сейчас запишу, —
выводил я несуществующие цифры
в маленьком блокноте.

— Ага, всё записал!
Я, как приеду, открытку тебе пришлю! —
как можно правдивее говорю я.
— До востребования, небось? —
иронизировала Ленка.
— Нет, с адресом,
чтобы ты как-нибудь собралась
и приехала в гости! —
как можно убедительнее говорю я.
— Ну пока, удачи тебе! —
просияв нежной улыбкой,
попрощалась она.
— Пока! — сорвался я с места,
помахав ей рукой.
Я не мог видеть,
как она легкой стремительной походкой
уходит из моей жизни!
Скажите,
если опустить сердце в кипящий азот,
оно замерзнет?!

* * *

...И ты уехал,
вернее, просто вышел из дома
и пропал на два десятка лет!
Тебя искали по друзьям-знакомым,
потом искала милиция с собаками и без.
Твоя сестра ходила
на опознание чужих мертвецов.
Она приходила,
садилась на широкую тахту
и вздыхала с явным облегчением:
«Не он!»
Твоя мать отчаялась ждать
и похоронила тебя.
Знакомый священник

совершил обряд отпевания,
залив елеем ее уши
об неупокоенных душах
и беспокойных мертвецах.
Отец все больше молчал
и лишь иногда,
крепко пригубив горячительного,
горько плакал.
Он выдвигал свою версию
произошедших событий,
но каждый раз новую.

Версия № 1

*Твои личные вещи
нашли на берегу реки.
Милиция констатировала
факт твоего утопления,
но тела так и не нашли...*

Версия № 2

*У тебя была девушка,
которая дико любила тебя,
буквально не давая проходу,
но ты охладел к ней...
Она чётко дала понять
своему новому приятелю:
«Убьёшь его, буду с тобой!»*

Версия № 3

*Ты «насолил»
каким-то своим друзьям
своим «правдорубством».
Они скрутили тебя,
запихнули в багажник
и увезли
в неизвестном направлении...*

Нянюшка охала
при упоминании твоего имени,
вспоминая, какой ты был,
Её Мальчик!
Я представляла, что ты,
словно Маленький Принц,
улетел на далекую звезду...

* * *

Как-то к нам домой
пришел Незнакомец.
Сокращая свой рост,
он «держал» себя
на двух деревянных опорах.
Худое мелованное лицо
и глаза черные, как уголь.
«Мальш, разгадай загадку:
Если взять килограмм соли
и какое-то энное количество
этого продукта
и сварить.
Но продукт этот
совсем не потеряет своих свойств
и годен в пищу.
Что это за чудо советского пищпрома?» —
говорит он мне.
Кинуться бы тебе на шею,
но это не Ты, совсем не Ты!
Я слышу свой пульс у себя в голове!
Твоя сестра говорит матери:
«Посмотри, как похож!»
Я ненавижу ее за это
и тебя ненавижу тоже!
Я не знаю, тебя не знаю! —
шепчу я Незнакомцу.

* * *

Через несколько лет
твоей матери снится сон,
в котором
ты возвращаешься домой,
а на вопрос:
«Где ты пропадал столько времени?» —
отвечаешь:
«Мама, я был в Перми!»
Почему именно в этом городе?
Почему не вернешься домой?
Меня очень долго мучил
один и тот же кошмар.
Пустынная улица.
Я иду по своим обычным делам.
Вдруг я встречаю тебя
и без лишних вопросов тащу домой.
Звоню в дверь
с диким воплем: «Мама, мама я его нашла!»
Твоя сестра долго возится с замком,
но наконец открывает.
— Оль, что за срочность, что за нетерпение!
Пожар, что ли? — возмущается она.
— Вот же! Мама, ты что, его не узнаешь? —
недоумеваю я.
Оборачиваюсь, а тебя уже нет!
О, ужас! Просыпаюсь я,
подпрыгивая на кровати.

* * *

Но ты вернулся, несмотря ни на что.
Это было так, как во сне.
Я! Я нашла тебя!
Ты стоял на месте
старого отчего дома.

Я узнала, узнала тебя!
Я тысячу раз представляла
эту нашу встречу,
но увидев тебя,
не смогла вымолвить и слова!
Просто подошла к тебе
и дрожащими губами
произнесла имя,
Твое имя!
Я взяла тебя за руку
и потащила домой.
Возвещая дверным звонком
на манер иерихонской трубы,
что я пришла!
Нет, мы пришли! Мы!
Это по-бе-да! Салютуйте!
Все псы попадают в рай!
Все дети возвращаются домой!
Пусть уже нет того дома,
который построил твой отец.
Но ведь дом — это же не только стены!
Дом там, где твое сердце!
Вечером вся семья собралась
за одним столом.
Мы наперебой
рассказывали тебе о жизни,
что текла по венам этого дома,
о жизни нашей семьи,
которую мы проживали без тебя,
но не за тебя!
Вечером перед сном
я принесла то,
что бережно хранила
все эти годы —
твой дневник,
чтобы ты вспомнил
все что было «До»,

и поведал этим страницам все,
что было «После»...

* * *

*Жди меня, ты только жди!
И я вернусь,
когда пройдут дожди,
наступит утро.
И ветер свежий принесет послание с Неба...*

Итак, я рад снова писать
на пожелтевшей от времени бумаге
«крученым» пером
некогда подаренным мне отцом.
Я вновь и вновь
перечитывал эти страницы...
И воспоминания
всплывали в моей памяти,
будто партизанский отряд
из густого тумана.
Я вспомнил все,
я вспомнил все сначала!
Восьмое марта 19*9 года.
Это было как вчера!
Я шёл по проспекту,
неся в руках ярко-красный букет
гвоздик для мамы и сестренки.
Это все, что удалось достать
в цветочном ларьке
в день праздника.
Я возвращался домой
после встречи с Ленкой.
Солнце догорало на горизонте
закатным веером.
На город опустились
ранние смолистые,

влажные сумерки.
Это сигнализировало о том,
что в стволах деревьев
уже началось движение соков.
Я пару раз глубоко вдохнул
этот благоухающий воздух,
шумно выдохнув,
блаженно им насладившись.
Было довольно сумрачно.
Или у меня потемнело в глазах?
Я закрыл глаза,
чтобы отделаться
от этого назойливого ощущения.
А когда открыл,
понял, что лежу на холодной земле.
Под головой растекся клюквенный морс
соленый и липкий,
падая я приложился затылком
к ледяному кому,
который оказался у меня под ногами.
Выла сирена,
значит, кто-то вызвал «скорую».
Эта мысль вспыхнула в моей голове
и тут же погасла,
как летящая с балкона
недокуренная сигарета.
— Парень, парень, ты жив? —
тормошила меня медсестра.
В нос ударил
отвратительно резкий запах нашатыря,
и я ошарашенно отшатнулся.
— Что тут у нас? —
вклинился мужской голос.
В ответ я промычал
что-то нечленораздельное.
— Черепно-мозговая, —
отозвалась сестра.

— На носилки его!
Давайте аккуратно! —
скомандовал врач.

Реанимация.
Вокруг меня обнаженные люди.
Я тоже в чём мать родила!
Мне не хотелось возвращаться назад.
Его голос,
Божественный голос звал меня:

*он — солнце, он — луна,
он — небо, он — земля,
он — альфа, он — омега,
имя ему вера
имя ему надежда
имя ему любовь...*

Но я здесь, я вернулся!
Вернулся лишь потому,
что ощутил на своих губах
сливочный вкус
карамелек «слами».
Таковыми на вкус
были твои губы.
Но пытаюсь взять
твою руку в свою,
я ловил пустоту.
К телу постепенно
возвращалась чувствительность.
Спиным мозгом
я ощутил под собой холод металла,
увидел сеть пластиковых трубок,
с ног до головы
обвивающих мое тело, словно плющ.

* * *

Уже на второй день
меня перевели в обычную палату.
Я забыл, кто я!
Я не помнил
даже своего имени,
хотя знал,
какой год сейчас на дворе
и какой политический строй,
мог процитировать какое-либо
литературное произведение
или прочесть наизусть
стихотворение.
Не покинули меня
и повседневные бытовые навыки.
При мне не было найдено
никаких документов.
Моя память была будто стерта!
Со мной беседовали и доктора,
и сотрудники
правоохранительных органов,
но все было тщетно!
Их расспросы
не придвинули меня к познанию
собственного «Я» ни на йоту!
Я впал в депрессию,
лежал обреченно,
исследуя серый
в бело-желтых разводах потолок.
В этих побелочных подтеках,
как в пятнах Роршаха,
которые демонстрировал мне
местный психолог,
я высматривал картины

из «своей собственной» жизни...*

Одна из картин:
*Я солдат,
я видел немало дорог,
истоптал
сорок тысяч сапог.
я герой,
только нет орденов,
а герою они ни к чему.
я солдат,
я вернулся с войны
Кто-то скажет —
ему повезло,
только ночью
мне снятся страшные сны,
как моих убивают друзей,
как они,
захлебнувшись в крови,
мне кричат: «Помоги!»*

* * *

*Аф! Афганистан!
горы, холмы, горы.
Красота — страшная сила
она может убить -
убивает!
Зазеваешься —
будешь глотать
раскаленный свинец,
забываться в бреду,
кричать во сне.
Будь начеку!*

* Тест Роршарха (test Rorshach) — проективный тест, при котором человек реагирует на пятна краски, с помощью которых определяются его психологические качества.)

*Ничего не поделатъ —
война!
Она калечит души, тела.
Те, кто выжил
на этой войне, —
живые мертвецы
им уже не найдется места
в этом мире
в мире живых.
Они умерли в смертельных боях
за право отбирать жизнь
у тех, кто по ту сторону фронта.
Жара,
песок под ногами стекленеет,
горло — пустыня,
там то же стекло,
стекло неразорвавшейся мины.
Ноги стертые до самых мозолей,
тело саднит,
ощущение такое, что жарисься
на огромной сковородке —
добро пожаловать... в ад!
Будь начеку!
Тишину и ход мыслей
разрывают снаряды,
а ты им в ответ —
вот и поговорили.
Хочешь, еще поговорим
до твоей иль моей немоты?!
Вроде стихло,
скоро,
скоро привал,
там, у горной реки,
можно будет утолить
эту бесконечную жажду,
жажду жизни,
жажду жить,*

*бороться за жизнь.
свободу.
Припади губами
к звеняще хрустальной воде,
почувствуй,
что ты еще жив.
Да, я жив!
Жив!
Будь начеку!
Вот — он пришел сюда
утолить жажду смерти.
Берегись его —
береги себя,
или ты, или он —
третьего не дано.
Мы как львы и антилопы
на водопое,
но вокруг одни шакалы
улыбаются — скалятся,
а за спиной нож...*

Богиня девятая

*Рита — прелестная медсестричка,
которая заинтересовалась
«потеряшкой».
Она приходила,
спрашивала о моем самочувствии,
проводила
прописанные мне врачом процедуры,
кормила чуть ли не с ложечки,
по ночам читала мне вслух
своего любимого автора
Редьярда Киплинга.
От нее всегда так приятно пахло
травянисто-пряным тимьяном*

и исходило такое душевное тепло,
что я чувствовал в ее присутствии
себя «как дома».

— Здравствуй, Счастливец!

Знаешь такой анекдот?

Пропала собака, приметы:

три ноги, оторванное ухо,

полхвоста —

мило улыбаясь,

приветствуешь меня ты.

— Ага!

Кличка Счастливец, —

отвечаю я.

* * *

Полночь.

Лазуритовая,

темно-синяя полночь,

а по венам

разливается чувство, нежный яд.

Этой ночью

ты будешь как мед,

такой же сладкой.

Девушка

в сапфировом перьевом облачении

эффектно прыгает «на тарзанке»

куда-то вниз и...

рассыпается серебряным дождем.

Нет-нет, это не сон

и не мои эротические фантазии!

Это рекламный ролик Dior,

снятый Вонгом Карваем, между прочим!

А я думал,

в чем же здесь подвох,

где тот крючок,

который зацепил и тянет:

«Попался!»

Ты возмущаешься:

— Ну и что Вонг Карвай!

Обычный рекламный ролик!

Подумаешь,

известные режиссеры

и не то снимают!

— А мне нравится!

Ты только послушай!

«Возвышенность

первостепенна для меня,

она помогает

бороться с холодом

в моей душе!» —

неожиданно для себя

перевожу я

с английского на русский.

* * *

Снег.

Кристально-честный снег.

В склянке зеленого стекла

распустились

веточки сирени

пока листочками,

цветочки

нам только снятся

фиолетовым нежным.

Ощущения сомнительные.

Усталость дает о себе знать.

Выдохся, как газировка.

Главное,

чтобы, как в «эссенуках»,

осталась соль на губах.

В душе нет ничего.

Пустота.

Все! Я как робот!
Любви тоже как будто нет!
Я целую ее,
а в душе ничего не ёкает!
К чему тогда видеться?
Она не понимает!
Не могу скрывать
свое состояние и отношение.
Проверено-перепроверено!
Выдаю себя с потрохами!
Даже пытаться не стоит
делать вид
потому, что все на лице написано
черным по белому.
И все-таки об этом иногда жалею,
когда близким причиняю боль!
Думаю, ну почему, ну зачем,
ну кто тебя просил?!
Да засунь ты
свою эмоцию куда подальше!
Нет!
Это как лезвием по руке провести!
А через секунду хлынет красное!
Горло захлебнется темной водой!
Я как Печорин!
Что он там говорил?
Во мне два человека.
Один живет, другой судит его...*

* * *

У меня в голове роятся
строчки нового стихотворения.
Я копаюсь в ящиках рабочего стола
в поисках чего-нибудь
более-менее пищащего,

* М. Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени».

само собой исключая
чернильные «химические» карандаши,
которые наводнили
кабинет твоего отца-профессора,
умершего год назад.
Ты так и не решилась
здесь что-то изменить.
Комната в ярко-голубых,
ультрамариновых тонах,
типичная «больничная»
белая лампа под потолком,
похожая на хворую луну.
Она освещает комнату
мутным красновато-желтым светом...
Полки ломаются от обилия книг
научной и художественной литературы.
В ящиках стола ворох
каких-то «важных» бумаг,
чернила цвета
нежной персидской сирени,
крошки золотистого
ароматного табака по углам.
Холодный браслет
механических часов «Луч»
со «стальным» циферблатом
цвета твоих глаз.
Золотые узорные запонки,
никому не нужные уже,
потому что таких мужских сорочек
уже просто никто не шьет и не кроит.
Морская ракушка.
Я прикладываю ее к уху,
а в ответ слышу
морской прибой и крики чаек.
Я облизываю пересохшие губы
и ощущаю на них привкус соли.
Меня почему-то бросило в дрожь!

* * *

В какой-то момент
я увидел в ящике стола письма,
глубоко упрятанные и
перевязанные красной шелковой нитью.
Наверное, они что-то значили для твоего отца
раз лежали глубоко-глубоко
в «деревянном сердце» его кабинета.
Некая барышня адресовала
свои послания твоему отцу.
Знаю-знаю, читать чужие письма —
дело дурного вкуса.
Уж простите, профессор,
не удержался!
Слишком уж притягательна
была муравьиная вязь
нежного почерка.
На пожелтевшей от времени бумаге
«расцветали» зеленовато-черные строки...

Письмо № 1

Здравствуйте, мой Учитель!
Я вижу,
с Вами что-то происходит,
Вам не по себе, Вы расстроены!
Мне больно это видеть!
Простите мне мою бестактность,
Вы можете сказать,
что это не мое дело,
что Вы врач,
у которого было море пациентов,
что у Вас колоссальный опыт за плечами...
и не просто врач (!),
а врачеватель человеческих душ...
Можете сказать все, что угодно!
Но не говорите этого, пожалуйста...

Простите меня!
(Ну не могу же я
все это время, пока пишу,
испытывать чувство вины!)
Я стала невольным свидетелем того,
как Вы интимно курите.
Я знаю,
что не должна была этого видеть!
Но трагичность этого действия
заворожила меня...
Я не смогла отвернуться
вилоть до самой последней затяжки...
И потом, идя по дороге домой,
я вспоминала эту одинокую фигуру
и мысленно говорила с Вами...
Да я бы белой сирени
Вам принесла зимой,
если Вам это могло бы помочь!!!
Ваша ПММЛ.

Письмо № 2

Дорогой Учитель,
Я вот так же безмолвно страдаю
по городу,
обоюдно любимому и мной, и Вами.
Поездка сорвалась,
а я просто задыхаюсь
без соленого воздуха Балтики.
Фи-зио-логически!
(Как физиологический раствор!)
Может, это просто игра
моего воображения?
Пограничное состояние, свойственное
всем пограничным временам года
(весна, осень)?
(Может мне все это показалось ?)
И Ваша фигура в квадрате двора,

*и трагичность действия...
Наверное, мне все это показалось!
Но я чувствую,
что Вы человек не этого времени,
не этой эпохи.
Века так серебряного!
Именно в этой эпохе я себя ощущаю,
когда пишу Вам!
(А может, это ярлыки, навешанные мной?)
Я не надеюсь на Ваш ответ,
Просто я хочу, чтобы Вы это знали!
Чего я хочу от Вас?
Ровным счетом ничего!
(Хотя это неверно, я лукавлю!)
Мне бы хотелось
установить с Вами некую переписку!
Слышать о том, что Вы чувствуете,
не привязывая это
к конкретным событиям Вашей жизни,
а просто так (да хоть о погоде!)
потому что мало людей, я думаю, волнует,
что Вы действительно чувствуете!
А как много людей Вы спрашивали:
«Что вы чувствуете?»
Я знаю, что Вы поймете все то,
что я хочу Вам сказать!
Ваша ПММА.*

Письмо № 3

*Почему-то Вы ассоциируетесь у меня
с бирюзой,
уже зрелой, зеленой,
вспененной, как морская волна.
Считается,
что в камнях заключена вся сила и
мудрость Земли!
Раньше их носили при себе*

*в качестве амулетов и талисманов.
Камням приписывали различные
магические и лечебные свойства.
Камни всегда интересовали меня,
еще с самого раннего детства.
Чертовы пальцы — белемниты.
Я их страшно боялась!
Мне казалось,
что чертик и в самом деле приходит по ночам
и оставляет свой палец на подоконнике!
Бабушка натирала белемнит
и этим порошком посыпала порезы.
А янтарь она жгла
и вдыхала этот «фимиам»,
избавляясь от головной боли.
Я тоже жгу янтарный мед,
но только разве удовольствия ради!
Осенью пахнет,
терпко-пряно, неотвратно.
Будете смеяться!
Правда, от мигрени тоже помогает.
(Хотя, может, это просто вера
в его чудодейственные лечебные свойства?).
Ваша ПММА.*

Письмо № 4

*Мой Учитель!
Прошу, не называйте меня так! —
взываете вы ко мне.
Почему же вы так протестуете?
А по-моему, это такое же обращение,
как доктор или сударь, к примеру.
Я не давала читать Вам своих стихов,
напечатанных на п-ных страницах.
Я не люблю белых листов,
скомканных в чьих-то руках,
оставленных, забытых,*

*с коричневыми кругами
от чая или кофе.
Я не считаю свои стихи «женскими»,
но если Вам так кажется,
то пожалуйста!
Вы считаете, что чтение стихов
сродни моему раздеванию
в Вашем присутствии.
Боже мой, как это нелепо!
Но ведь вы понимаете, что,
когда король оголит голову,
я все равно останусь в шляпе...
Я все равно останусь в шляпе!
Я все равно останусь,
но дело тут не в шляпе...
Ваша ПММЛ.*

Письмо № 5

*Доктор, у меня предчувствие, Доктор!
Вороны замертво падают оземь.
С неба крошит белый песок.
Колючие бесформенные снежинки
больно бьют по щекам.
У меня в руках
гроздь перспелой изабеллы.
Таврические тополя
раскинулись по обеим сторонам улицы.
Они подпирают
своими кронами-трапециями НЕБО,
которое готово рухнуть
на северный, совсем не крымский город.
Крымом здесь даже и пахнет!
Пахнет морем...
Прости меня, Моя Любовь.*

Письмо № 6

*Милый мой дружочек!
Спасибо тебе
за открытку с синей птицей!*

*Я ее поселил у себя на рабочем столе,
под куском прозрачного
зелено-голубого,
почти аквамаринового стекла.
Она будет напоминать мне тебя!
Осень.
Ах, как я ее желал,
как желают Любимую,
но зима метит в Любовницы!
Сердце не на месте,
хотя все хорошо,
и вроде бы жить не тужить, но...
Сердце щемит
по обоюдно любимому городу!
Дууууууууууууууууууууууууууууууууууу,
будто ветер в бутылке заплутал.
Это я так... лирически отступаю!
Питер! Питер! — орет ворона за окном.
Это весточка от него —
моего города, от реки Невы.
Ты передай ему привет!
Ты посиди за меня на скамейке в парке,
подыши солью Балтики,
поцелуйся с ветром,
погладь гладь Невы!
СПАСИБО ТЕБЕ! Я скоро вернусь.*

*«Письмо № 6»
лежало в этой пачке последним.
Оно было написано
обмусоленным чернильным карандашом.
Тонкий бумажный пергамент
пропитался древесным ароматом
одеколона «Шипр»*,
выпускаемым советской фабрикой
«Заря»*

* Шипр (фр. Шурге, «Кипр») — популярные духи, аромат которых был создан в 1917 году знаменитым французским парфюмером Франсуа Коти (фр. Francois Coty). В СССР одеколон этой марки выпускался фабрикой «Новая заря» и был копией марки Шурге Coty.)

с далеких тридцатых,
задолго до моего рождения.
Почерк был свободный, размашистый,
но довольно красивый,
твердый, с сильным нажимом,
с минимумом острых углов
и практически без наклона,
явно мужской.
Я почувствовал за спиной
легкое дыхание
теплого пряного тимьяна,
нежные руки,
как крылья, окутали меня.
— Он не вернулся! Уехал! Уехал!
Мой любимейший человек.
Он ушел в понедельник, —
горячо шепчет мне на ухо Рита.
— Прости! — произношу я
и понимаю,
что прочитал все письма вслух.
Об авторучке в тот день
мне пришлось забыть.

* * *

Одновременно сладко и больно
меня кольнула мысль:
«Надо возвращаться домой!»
Знать бы, где этот дом!
Вдруг я принимаю для себя
очень твердое решение —
отправляюсь гулять по городу
в поисках «родных» мест!
Город развернул мне свои ладони,
на которых папиллярными линиями
обозначились
проспекты, улицы, переулки, дома, дерева...

— Ах! Где эта улица, где этот дом?
Где эта барышня, что я влюблён? —
мурлыкал я под нос старинную песенку.
Вдруг споткнулся
о выступившие на поверхность корни
старого тополя.
Я погладил рукой
его коричнево-болотный
фактурный ствол,
вдохнул «одеколонный» аромат
смолянистых почек.
Ведь в парфюмерной промышленности
их используют для отдушки
туалетного мыла.
Также они входят в состав бальзама,
издавна известного
как «Рижский черный».
«Di acqua di Colonia...»* —
пробежал мимо уха шепоток ветра.
Я повернул голову,
а метрах в двухстах
чернела липа,
а между ними пустота,
от которой затрепетало сердце!
Я крепко-крепко обнял дерево,
как обнимают старого друга,
которого не видели сотню лет.
По щекам хлынули слезы.
Так я вспомнил,
что у меня есть отец, есть мать,
есть сестра, есть малышка,
есть нянюшка
и даже кошка есть,
черная как смоль!
Я стою
и мысленно разговариваю

* Di acqua di Colonia — кельнская вода (итал.)

с деревом,
вдруг ставшим мне таким родным!
А раньше я проходил мимо,
замечая только «зимы»,
которые он устраивал
в жарком июле.
«Тополиный» снег
кружил в воздухе,
«забывая» нос.

*Вы вчера вдруг заметили,
Что ваш пух
слился с тополем.
Ваши крыльям
больше столетия.
Так взлетайте!
К чему эти вопли
О краях, куда направляясь,
обычно молчат*.*

* * *

Память бьет
молоточком по пальцу.
Боль звенящая,
как тишина в моей комнате.
Красным кругом в глаза:
«Вы не помните?»
Клюква в сахаре —
ах слаще пряников!
Много библий, а правда одна.
Нет слаще ренклода, чем дома!
Душистее липы,
тополей таврически-крымских
Солнце медом окна залило.
Здесь головки тюльпанов
кивают ветру такт в такт...

* Из стихотворения Д. Арбениной «Пух».

* * *

Я возвращаюсь со «свиданий»
каким-то уставшим и поникшим,
включаю катушечный магнитофон,
а оттуда несется «веселая» музыка:

*Ах, черёмуха белая,
сколько бед ты наделала,
Ах, любовь твоя смелая
сумасшедшей была.
Ароматом дурманила,
только сердце поранила,
я ведь знала заранее,
это только игра.**

или

*Музыка нас связала,
Тайною нашей стала,
Всем уговорам твержу я в ответ:
Нас не разлучат, нет**.*

Потом беру из детской кровати
тянувшую ко мне
свои крохотные ручонки малышку.
До сих пор помню тот день,
когда эта кроха появилась на свет!
День недели как воскресенье.
И почему-то не по-осеннему
теплая погода!
Люди сняли шапки
и побросали их в небо.
Горячий укол «творит» чудеса —
январь, как шубу,
«скидывает» три месяца.

* Из песни М. Журавлевой «Белая Черемуха».

** Из песни гр. «Мираж» — «Музыка нас связала»

Ноль, как начало
отсчета новой жизни.
Полчаса невероятных усилий,
чтобы появиться на свет.
А дальше борьба,
борьба за жизнь!
И моя сестренка бледная,
как стена больничной палаты,
молящая в открытые форточки:
«Заберите меня отсюда!»
Отец в пьяном отчаянии бьет
склянки с молоком
об старый тополь у дома.
«Бедная наша мама!» —
ласково шепчу я малышке на ушко.
Потом я ложусь
на цветастый мохнатый ковер,
а малютка ползает по мне.
Я хохочу от щекотки,
малышка радостно заливается в ответ!
Так уходят все мои тревоги и печали!

* * *

— «Набережная неисцелимых»
Иосифа Бродского —
это же о Питере! — осенило меня.
Бродский между строк
ностальгировал о городе,
куда уже нельзя ни вернуться,
ни купить билет.
Но когда пришло время,
он уплыл в своей гондоле
по реке вечности,
чтобы когда-нибудь
вернуться сюда,
на набережную Невы.

Питер. Я неисцелимо болен им!
Я не могу дожидаться весны,
когда Санкт-Петербургское небо
рухнет на площадь
дождем и белыми ночами.
Соль всех морей
соберется на моих губах.
А поцелуи «розы ветров»
будут нежно-терпкими.
У меня случится роман
с этим городом.
И я обручусь с Невой!
Да-да! Вы не ослышались!
Я куплю
два совершенно одинаковых кольца.
Одно брошу в Неву,
а другое,
окунув в изумрудную воду,
как её глаза,
по всем правилам
надену на безымянный палец!
Безумный, скажете?
Так оно и есть!

Рита любила читать мою «писанину»,
забравшись с ногами
в отцовское кабинетное кресло.
— Подожди-подожди!
При чем тут её изумрудные глаза?
И кто она такая? —
сверкала глазами-молниями Рита,
серыми, как дождливое питерское небо.
— Пан Ленинград, я влюбился без памяти
В ваши стальные глаза! —
нараспев повторяю я строчку из песни*.

* Из песни Ю. Шевчука «Ленинград».

— Ты мне зубы-то не заговаривай!
Тоже мне бабка-шептунья! —
вспыхивает она.
— А что? Ты ревнуешь?
Давно ли ты ревнуешь меня
к моим лирическим героиням? А?
Это пахнет психическим расстройством!
Одна моя знакомая,
помнится,
ревновала меня к моей гитаре! —
усмехаюсь я.
— И правильно делала!
Да я тебя даже к мертвым ревную!
Значит, ты вспомнил её, значит, не забыл! —
сквозь подступившие слезы,
говорит мне Рита.
Да, я вспомнил тебя...

*Угасла моя Нефертити.
Было обидно и больно.
Снег падал осколками в кожу.
И не обернулся прохожий-
рубашка в крови!
А время бежало куда-то,
попутно ища виноватых,
и кто-то не мог поверить
в гибель своей страны.
На кухне тянуло газом,
а кто-то замыленным глазом
листал альбом...
Мечты летели на воздух!*

* * *

Я плыву на корабле Жизни
по волнам Времени.

Мое Сердце всегда
было моим компасом.
Каждую весну
я дарю серебряные кольца
реке Неве
в память о том,
что было со мной!

Рита Волкова

МАЛЬЧИК

Верстка Е.В. Мининой
Корректор Ю. Б. Гомулина

Изд. лицензия № 065684 от 19.02.98

Подписано в печать 13.09.2013. Формат 84*90 ¹/₃₂

Гарнитура Warnok Pro. Печ. л. 8,5.

Заказ 2-06

Отпечатано издательством «Геликон Плюс»

Санкт-Петербург, ВО, 1-я линия, д. 28

<http://www.heliconplus.ru>